

Лев Толстой
О величии души
человеческой

Путь Огня

Лев Толстой

**Лев Толстой о величии души
человеческой. Путь Огня**

«Свет»

УДК 82.6+82.8

ББК 63.3(2)6-8Толстой+84(2Рос=Рус)1

Толстой Л. Н.

Лев Толстой о величии души человеческой. Путь Огня /
Л. Н. Толстой — «Свет»,

ISBN 978-5-413-01551-3

Сборник письменных и устных высказываний всемирно известного русского писателя Льва Николаевича Толстого (1828–1910). Эта книга позволит вам прикоснуться к сокровищнице глубоких и мудрых мыслей нашего великого соотечественника, откроет новые грани его таланта. Толстой не просто писатель, он подлинный духовный учитель, чей уникальный опыт, отражённый в его мыслях, поможет отыскать вам новые возможности, способные улучшить вашу жизнь к лучшему.

УДК 82.6+82.8

ББК 63.3(2)6-8Толстой+84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-413-01551-3

© Толстой Л. Н.

© Свет

Содержание

Предисловие редакции	6
От составителя	8
Царство божие усилием берётся	9
Всё в тебе	30
Любовь. Радость	43
Единство	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

М. А. Орлов (сост.)
Лев Толстой о величии души
человеческой. Путь Огня

© ООО «Свет», 2017

Предисловие редакции

Человеку свойственно давать определения. Говоря о ком-то, мы обычно присовокупляем: «писатель», «художник», «рабочий», «преподаватель». И, вроде бы, ясно, что за личность перед нами. Однако иногда мы начинаем испытывать затруднение, связанное с тем, что того или иного индивидуума нельзя охарактеризовать каким-то одним словом; более того, даже набор из нескольких выражений не даёт ему более-менее точную характеристику.

Именно с такой трудностью сталкиваешься, когда пытаешься ответить на вопрос, кто такой Лев Толстой. Точнее сказать, кем он был для всех нас, для русской культуры и для русской истории? Писатель и мыслитель, просветитель и публицист, защитник Отечества. Знавший несколько языков, чрезвычайно эрудированный, любивший слушать музыку и сам умевший неплохо музицировать, Толстой являл собою образец разносторонне развитого представителя русского дворянства XIX в. – сословия, называвшегося благородным.

Благородство Толстого – это, прежде всего, гуманизм. Всю свою жизнь Лев Николаевич бился за правду, за достойное отношение к людям, выступая, порой, вразрез с интересами господствующих сословий. С упорством фанатика он отстаивал нравственные, подлинно религиозные основы жизни: *«Человек без религии, т. е. без какого-либо отношения к миру, – утверждал Толстой, – так же невозможен, как человек без сердца»*. Его конфликт с церковью был, прежде всего, конфликтом живого, пытливого ума с каменными глыбами догм и предрассудков, загораживающих людям дорогу к подлинному счастью. Вот два его выражения, наглядно свидетельствующих об этом: *«...Религия, то самое, что одно даёт человеку истинное благо жизни, религия в извращённом виде есть главный источник заблуждений и страданий людских»* и *«Исправление существующего зла жизни не может начаться ни с чего другого, как только с обличения религиозной лжи и свободного установления религиозной истины в самом себе каждым отдельным человеком»*.

Религиозность его сознания проявлялась буквально во всём, и в творчестве, и в общении с людьми, и в повседневной жизни. Великий мыслитель вёл жизнь отнюдь не отшельническую, он жил с людьми и ради людей, с головой погружившись в окружающий его мир, что, в свою очередь давало ему мощный стимул к духовному развитию и метафизическому осмыслению реальности. Вспоминаются вот какие его слова: *«Человек чувствует себя в несвойственном и тяжёлом для него состоянии, когда не только не сознаёт, но не чувствует своего духовного единства со всеми людьми мира. Естественное и свойственное человеку состояние то, когда, сознавая себя единым со всеми, радуется радости и печалится горестью всякого сближающегося с ним человека»*.

Желание жить не для себя, а для других, и непрестанные усилия на этом пути превратили его со временем в человека, которого можно было бы назвать святым. В этой связи весьма характерно следующее высказывание Льва Николаевича: *«Ничто духовное не приобретается духовным путём: ни религиозность, ни любовь, ничто. Духовное всё творится материальной жизнью, в пространстве и времени. Духовное творится делом»*.

В то же время, суэта жизни не имела над ним такой сильной власти, которую имела над остальными. Несмотря на свою занятость делами семейными и общественными, Толстой находил время для размышлений о Боге и мире в одиночестве. Как-то раз он сказал: *«Бог не любит посторонних лиц. С Ним можно общаться только один на один»*. И такой Толстой – это уже больше, чем писатель, больше, чем моралист, больше, чем общественный деятель. Это уже другой Толстой, неизвестный нам – мистик, эзотерик, если хотите – мастер дзен-буддизма. Почитайте внимательно его мысли, приведённые ниже, насладитесь их красотой, глубиной, мудростью. Вот некоторые из них:

«Личность – моё «я» должно быть орудием служения. И это можно. Когда же употребляешь это орудие, то является вопрос, кто тот, кто употребляет его? Это тот, кто не есть орудие, кто не материален, кто вне пределов – Бог во мне. Только начни заниматься орудием: чистить, украшать, беречь его, и нет жизни, и подвержен всем мучениям. Только кто употребляет его, живёт и растёт».

«Есть одно средство любить Бога: оно состоит в том, чтобы любить себя, своё божественное «я», так же, как мы любим своё телесное «я», т. е. жить для этого «я», руководиться в жизни его требованиями и потому ничем не огорчаться, ничего не бояться и всё считать для себя (этого «я») возможным».

«Какое заблуждение и какое обычное: думать и говорить: я живу. Не я живу, а Бог живёт во мне. А я только прохожу через жизнь или, скорее, появляюсь в одном отличном от других виде».

«Иногда возникает глупый вопрос: зачем всё это? А между тем, если бы я знал, зачем всё это, всего этого не было бы». «Наше постоянное стремление к будущему не есть ли признак того, что жизнь есть расширение сознания. Да, жизнь есть расширение сознания.

(...)

Для того, чтобы могло быть расширение сознания (благо), нужно, чтоб оно было ограничено. Оно и ограничено пространством и временем».

«Не ищи Бога в храмах. Он близок к тебе, Он внутри тебя. Он живёт в тебе. Только отдайся Ему, и ты поднимешься выше счастья и несчастья».

«Я был уже многим. И всё, чем я был, всё это во мне, всё это моё я. И жизнь моя здесь и после смерти будет только приобретением нового содержания моего я. И как бы я ни увеличивался, я никогда не перестану быть ограниченным, ничтожным, потому что Всё бесконечно».

«Я есмь вне причины, вне времени и вне вещества, и вне пространства. То, что моё я представляется мне во времени в зависимости от причины и в пространстве, связанным с веществом, происходит оттого, что я живу, то есть постепенно всё больше и больше открываюсь сам себе как неведущее, внепространственное (вездешное), беспричинное, вневременное (вечное) Я. Не будь этого Я или не будь того, что скрывает его, не могло бы быть того, что мы называем жизнью.

Жизнь есть проявление неведущего вечного во временном и вещественном».

Сгруппированные по темам, идеи и афоризмы выдающегося мыслителя не только обогатят ваш багаж знаний, но и помогут по-новому взглянуть на личность автора «Войны и Мира», «Воскресения» и «Анны Карениной». Толстой не просто один из самых значительных писателей в истории русской и мировой литературы – он самобытный философ и глубокий мистик, учитель нравственности и гуманист, благотворитель и педагог. Если собрать эти характеристики воедино, то получится образ Духовного Учителя.

И у нас появляется шанс, пусть даже заочно, стать его учениками, научившись претворять полученные от него откровения в конкретные дела, направленные на преумножение любви, добра и радости в мире.

* * *

Сборник письменных и устных высказываний Л. Н. Толстого, представленный вашему вниманию, появился на свет благодаря упорной и кропотливой работе Максима Анатольевича Орлова – знатока и исследователя творчества великого писателя.

От составителя

Меня спрашивали об этой книге: «Почему именно Толстой?»

А кто же ещё? Кто ещё, кроме Толстого, вплотную подошёл к той сфере знаний, для обитания в которой уже недостаточно общедоступных, обычных представлений о добре и морали, а требуется особое состояние сознания, созревшего до предчувствия Синтеза?

«Лев Толстой – эзотерик?»

Да, как ни странно это может звучать. Читая эту книгу, вы забудете Толстого – категоричного отрицателя; перед вами предстанет созерцатель с сердцем, готовым к вмещению. Человек, свободный от страха утратить свои прежние убеждения, ставшие неудобными Истине. Человек, догадывающийся о подлинных свойствах Бога, Абсолюта и начавший уже произносить слова, которые даже ему самому иногда кажутся странными, но жить без которых он уже не в состоянии...

«Но будет ли такой портрет Толстого вполне правдивым?»

Для устремлённых – да! Ведь правда – это не то, что есть, а то, чем оно, преображаясь, становится. И если какой-то человек по-настоящему одержим идеей преображения, то можно со спокойной совестью о наивысшем, что есть в таком человеке, говорить, как о нём самом.

Максим Анатольевич Орлов

Царство божие усилием берётся

– 1 –

...Какое радостно-восторженное чувство испытывает человек, когда в первый раз поймёт, что его дело в борьбе с собой. [1]

Жизнь как отдельного человека, так и всего человечества есть непрерывающаяся борьба плоти и духа. В борьбе этой дух всегда остаётся победителем, но победа эта никогда не окончательная, борьба эта бесконечна, она-то и составляет сущность жизни. [2]

Настоящая жизнь – в том, чтобы становиться лучше, побеждать своё тело силою духа, приближаться к богу. Это не делается само собой. Для этого нужно усилие. И это усилие даёт радость. [3]

Жизнь человеческая только тогда истинная, когда она сознательна и состоит из усилий как мысли, так и дела и слова. [4]

Ничто так не ослабляет силы человека, как надежда в чём-либо, кроме своего усилия, найти спасение и благо. [5]

...Избавление от зла и приобретение блага добывается только своим усилием; (...) нет и не может быть такого приспособления или учреждения, посредством которого, помимо своего личного усердия, достигалось бы своё или общее благо; (...) нельзя ни спасать других, ни спастись посредством других. [6]

Мы знаем, что без физических усилий мы ничего не достигнем. Почему же думать, что в области духовной можно достигнуть чего-либо без усилия. [7]

Доброта голубя – не добродетель. Голубь не добродетельнее волка. Добродетель и её степени начинаются только тогда, когда начинается усилие. [8]

Видел во сне, что думаю и говорю, что всё дело в том, чтобы сделать усилие, то самое, что сказано в евангелии: «Царство Божие усилием берётся...» Всё хорошее, всё настоящее, всякий истинный акт жизни совершается усилием: не делай усилий, живи по течению, и ты не живёшь. (...) Усилие важнее всего. Всякое маленькое усилие: победить лень, жадность, похоть, гнев, уныние. Это важнейшее из важного, это проявление Бога в жизни – это карма, расширение своего я. [9]

Мы живём только тогда, когда помним о своём духовном я. А это бывает в минуты духовного восторга или минуты борьбы духовного начала с животным. [10]

Сказать, что я не могу сделать усилие для того, чтобы воздержаться от дурного поступка, всё равно, что признать себя не человеком, даже не животным, а вещью. Люди, не делающие усилия, часто говорят это, но, сколько бы они ни говорили это, они в душе своей знают, что пока они живы, усилие в их власти. [11]

Если тебе чего-нибудь так хочется, что тебе кажется, что ты не можешь воздержаться, – не верь себе. Неправда, чтобы человек не мог воздержаться от чего бы то ни было. Не может воздержаться только тот, кто вперёд уверил себя, что это невозможно. [12]

Трудитесь, боритесь. Жизнь – борьба. Без борьбы нет жизни. [13]

Да, жизнь всегда борьба, и когда стоишь на стороне того, кто наверное победит в борьбе – больше радости, чем страданий. [14]

Главное – бороться, не переставая бороться в мыслях, в чувствах, в поступках и верить в свою духовную силу. Не верить в эту силу нельзя, потому что духовная сила, составляющая наше истинное «я», есть сила божественная, всемогущая по отношению самого себя. [15]

...Не говорю: дай бог вам душевного спокойствия и радости, а говорю: сами возьмите и спокойствие, и радость; они в нашей власти... [16]

Весь смысл и вся радость жизни заключается во всё большем и большем сознании божественности своей природы. [17]

Если ребёнок не знает, что у него есть сердце, то это не значит, что у него нет сердца. То же и с духовной силой. Если человек не знает в себе духовной силы, это не значит, что её нет в нём. [18]

У человека есть, кроме сознания своей жизни, высшее сознание, способность спросить себя: истинно ли и добро ли то, что я делаю? У человека, стало быть, есть в нём самом мера истинного и доброго. В нём, стало быть, есть истина и добро. [19]

Сознание в себе Бога не допускает бездеятельности: зовёт, требует проявления, требует общения с божественным и освещения небожественного – борьбы, труда. [20]

...Для того, чтобы быть с Богом, быть в настоящем, быть неподвижным, надо не переставая двигаться. Je m'entends (*Я понимаю то, что хочу сказать (фр.)*), т. е. что для того, чтобы быть с неподвижным, вечным, надо не переставая отодвигать то, что отделяет от него. [21]

Человек сознаёт себя Богом, и он прав, потому что Бог есть в нём. Сознаёт себя свиньёй, и он тоже прав, потому что свинья есть в нём. Но он жестоко ошибается, когда сознаёт свою свинью Богом. [22]

Я пишу, главное, для себя: тот, на кого я нападаю, кого я убеждаю – это я. [23]

Бороться – это самая жизнь, она только и жизнь. Отдыха нет никакого. Идеал всегда впереди, и никогда я не спокоен... [24]

Вечная тревога, труд, борьба, лишения – это необходимые условия, из которых не должен смочь думать выйти хоть на секунду ни один человек. Только честная тревога, борьба и труд, основанные на любви, есть то, что называют счастьем. Да что счастье – глупое слово; не счастье, а хорошо; а бесчестная тревога, основанная на любви к себе, – это – несчастье.

(...) Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие – душевная подлость. [25]

Никогда не отчаивайтесь в борьбе: не считайте борьбу предшествующим действием чего-то; в ней-то и жизнь: тяжёлая, мучительная, но истинная жизнь, где бы она ни происходила – на верху или на низу лестницы. [26]

...Одно законное счастье есть честный труд и преодолённое препятствие. [27]

– 2 –

...То, что требуется совестью, высшим предчувствием доступной человеку истины, – есть всегда и во всех отношениях самая плодотворная и самая нужная в данную минуту для человечества деятельность. Только человек, живущий сообразно своей совести, может иметь влияние на людей, и только деятельность, сообразная с совестью, может быть полезна. [28]

Есть два желания, исполнение которых может составить *истинное* счастье человека – быть полезным и иметь спокойную совесть. [29]

Камень не может сделаться вредным и даже не полезным. Человек может, и это надо помнить. [30]

Помните одно: другие живут, как им велит их совесть, а я буду жить по своей совести, и пусть судят обо мне, как хотят, только бы бог был со мною, или, скорее, я с ним. [31]

Совесть есть воздействие сознания вечного, божественного начала на сознание временное, телесное. [32]

Совесть (...) есть не что иное, как совпадение своего разума с высшим. [33]

Голос совести – голос бога. [34]

Все наши беды оттого, что мы забываем про то, что Бог живёт в нас, и продаём этого Бога за чечевичную похлёбку телесных радостей. [35]

Жизнь для души уменьшает мелкие радости, но увеличивает самую большую духовную, как ветер задувает свечи и раздувает костёр. [36]

[Жизнь, соответствующая требованиям совести,] есть одна: жизнь по учению Христа. А эта жизнь разрушает всё то, что даёт радости мирской жизни. Правда, что жизнь по христианскому учению даёт другие, несравненно высшие радости, даёт свободу, спокойствие, уничтожает страх смерти. Но для этого нужно новое рождение, т. е. перенесение всей своей энергии жизни из личных интересов в служение богу, всегда, во всякий момент настоящего, не думая о последствиях. А рождение не бывает без мук. [37]

Есть пути, связывающие нас с миром и с его соблазнами, и есть нить, связывающая нас с богом. Всё стремление наше должно быть направлено на то, чтобы держаться на одной нити божьей. [38]

...Подумайте о том, кто вы, и перестаньте делать [зло]. Перестаньте – не для себя, не для своей личности, и не для людей, не для того, чтобы люди перестали осуждать вас, но для своей души, для того бога, который, как вы ни заглушаете его, живёт в вас. [39]

Благодарю Тебя, Господи, за жизнь и благо её. Помоги мне прожить её в любви. Не оставляй меня, чтобы мне помнить то, что Ты во мне, и что я жив только Тобою. [40]

Первый шаг к совершенствованию – в том, чтобы научиться отличать в нашей душе от других голосов голос бога. [41]

Бойтесь всего, что становится между вами и богом – духом, живущим в вашей душе. [42]

...Я на 82 году начинаю понимать немного, как надо жить для того, чтобы жизнь была непрерывающая радость. Понимаю то, что надо всякий час, всякую минуту жизни так же помнить, так же живо представить себе присутствие судящего меня бога, как мы помним, живо представляем себе суждения о нас людей, так же руководиться этим сознаваемым нами его суждением, как руководимся в поступках предполагаемыми о нас суждениями людей. И как это изменяет всю жизнь и из путаной и тяжёлой делает ясной и радостной. [43]

Грешить – дело человеческое, оправдывать свой грех – дело дьявольское. [44]

Нет раскаяния – потому что нет движения вперёд, или нет движения вперёд, потому что нет раскаяния. Раскаяние это как пролом яйца или зерна, вследствие которого зародыш и начинает расти и подвергается воздействию воздуха и света, или это последствие роста, от которого пробивается яйцо. Да, (...) важное и самое существенное деление людей: люди с раскаянием и люди без него. [45]

Недовольство собой есть трение, признак движения. [46]

Плохо, если человек считает себя хорошим, потому что человек, считающий себя хорошим, не может делать того, в чём главное дело человека: делаться лучше. [47]

Человек – это дробь. Все качества, достоинства человека – числитель. Мнение же его о себе – знаменатель. Избави бог, если, как это часто бывает, разрастается до бесконечности знаменатель. [48]

Какое ужасное свойство – довольство собой, гордость. Это – замерзание человека, такое состояние, при котором человек лишается лучшей радости жизни – свободного и дружеского общения со всеми людьми. [49]

Только приписал себе значение большее, чем яблони, клёна, приносящих плоды, так лишил себя спокойствия, радости жизни, покорности смерти. [50]

Пора человеку узнать себе цену. И как удивительно сознание своей духовности даёт человеку в одно и то же время и высшее сознание своего достоинства, и низшее смирение... [51]

Смирение и сознание своего человеческого достоинства – одно и то же. [52]

Стоит только сознать себя смиренным, и тотчас же перестаёшь быть им. [53]

Как нужно, нужно отвыкнуть от мысли о награде, похвале, одобрении. За всё хорошее, что мы можем сделать, нам не может быть никакой отплаты. Плата вперёд получена нами такая, что с самым большим усердием не отработаешь её. [54]

...Подумал о том, что будет мне за то, что я буду жить хорошо, любовно, какие последствия для меня будет иметь эта жизнь? И вдруг ясна стала нелепость этого вопроса: какая награда мне будет за то, что я сольюсь с Богом, буду жить Богом? Какая награда мне будет за то, что я поем, когда голоден? Какие последствия будут от того, что я вступлю в то высшее состояние? Последствие то, что я найду себя. [55]

Низшая ступень – жизнь для похотей тела, чтобы угодить телу, вторая ступень – для одобрения людского, чтобы угодить людям, третья – для награды от Бога, чтобы угодить Богу вне себя, четвёртая, выше которой я не знаю, жизнь ни для чего, а только чтобы угодить Богу в себе. [56]

...Истинно добрые люди не ожидают себе награды за свои добрые дела и не помнят их. И не помнят не оттого, что хотят не помнить, а оттого, что то, что они делали, они делали для своей души. Они не помнят своих добрых дел, как не помнит человек своего дыхания. [57]

У человека есть только обязанности. [58]

– 3 –

Чтобы поверить в добро, надо начать его делать. [59]

...Главный вопрос для каждого не: что делать? А как делать, как жить? Первый вопрос есть только маленькая частица второго – и вытекает из него. [60]

Весь закон Божий в одном: в признании себя *«рабом Божиим»*, в сосредоточении всех своих желаний в одном: в исполнении дела, к которому приставлен. Дело это одно: ты сам, твоя душа, доведение себя до высшего доступного тебе совершенства. [61]

Я – орудие, которым работает Бог. Моё благо истинное в том, чтобы участвовать в Его работе. Участвовать же в Его работе я могу только теми усилиями, которые я делаю для того, чтобы держать в порядке, чистоте, остроте, правильности то орудие, которое дано мне – себя, свою душу. [62]

...Единственная работа, которую человек должен делать, это, осознав всю свою мерзость, стараться от неё избавиться. Но мерзость свою надо сознать совершенно искренне, сознавая не только в недостатках, которые считаются простительными (...), а всего себя осудить без страха и жалости к себе. [63]

...Человеку (...), желающему жить хорошо, жить с спокойной совестью и жить радостно, надо не искать каких-нибудь мудрёных далёких подвигов, а надо сейчас же, сию

минуту действовать, работать, час за часом и день за днём, на то, чтобы изменять [нашу жизнь] и идти от дурного к хорошему; и в этом одном счастье и достоинство людей... [64]

Люди занимаются самыми различными, почитаемыми ими очень важными делами, но почти никогда не занимаются тем единственным делом, которое одно предназначено им и включает все остальные – улучшением своей души, освобождением божественного начала души. То, что именно это дело предназначено человеку, видно из того, что это единственная цель, для достижения которой человеку нет препятствий. [65]

Только кажется, что человечество занято торговлей, договорами, войнами, науками, искусствами; одно дело только для него важно и одно только дело оно делает – оно уясняет себе те нравственные законы, которыми оно живёт и которые соединяют людей. И это уяснение нравственного закона, соединяющего людей, есть не только главное, но единственное дело всего человечества. [66]

Лежат рассыпанные по миру тлеющие угли, – дух Божий живит их по мере силы жизненности, развиваемой в каждом угле и сообщаемой другим. В этом для человека и цель, и смысл жизни. Только это.

(...)

...законность и степень законности всех других целей зависит от того, в какой степени они содействуют достижению этой.

(...)

Только бы эти раскиданные и тлеющие угольки старались пользоваться веющим на них духом Божиим. И сообщать друг другу радость сознания этого духа и теплоты согревающего их огня любви. [67]

Как одна свеча зажигает другую, и одной свечой зажигаются тысячи, так и одно сердце зажигает другое, и зажигаются тысячи. [68]

Кажется, что много, много дела. А это неправда. Одно дело – работа над собой, очищение, освобождение в себе своего божественного я. И эта работа и радостная, и не спешная, и всегда по силам, и всегда по мере того, как прилагаешь к ней силы, совершается и никогда не кончается. Всегда впереди возможность той же, но только всё более и более радостной работы. [69]

Вся сансара, т. е. суэта жизни, все события, как ни кажутся разнообразны для каждого человека, в сущности, однозначущи, равны для всех людей: сложная ли, длинная ли жизнь или простая и короткая. Все рождаются, живут, умирают, и время и события не имеют значения. Важно и составляет сущность жизни одно: *уяснение сознания*, я сказал бы: очищение того стекла, через которое смотрит человек на мир, вернее же, выработка того глаза, того органа, которым человек, вообще живущее существо, видит, познаёт мир. [70]

Ничто так очевидно не подтверждает того, что дело жизни есть совершенствование, как то, что чего бы ты ни желал вне своего совершенствования, как бы полно ни удовлетворилось твоё желание, как скоро оно удовлетворено, так тотчас же уничтожается прелесть желания; не теряет своего радостного значения одно: сознание своего движения к совершенству.

Только это непрестанное совершенствование даёт истинную, не перестающую, а растущую радость. Всякий шаг вперёд на этом пути несёт за собой свою награду, и награда эта получается сейчас же. И ничто не может отнять эту награду. [71]

...Одно только нужно богу, одно нужно людям и мне самому – это то, чтобы во мне было сердце, чистое от осуждения, презрения, раздражения, насмешки, вражды к людям. [72]

...Всё, всё на свете пустяки и не стоит комариного крылышка в сравнении с разницей между доброй и недоброй жизнью. А жизнь добрая бывает только тогда, когда не спускаешь глаз с бога (...) и перед богом внимателен к своим самым малым поступкам. [73]

Доброй жизнью может жить только тот, кто постоянно об этом думает. [74]

...Ученикам Христа нельзя быть немножко его учеником. Надо быть совсем или вовсе не быть его учеником, надо быть готовым на всё, не ожидая награды, не ожидая войти в обетованную землю. Тем-то хорошо, что эта необходимость быть совсем учеником или вовсе не быть и отсеивает мякину ложных учеников. [75]

Как огонь не бывает немножко горячий, немножко холодный, а бывает огонь только тогда, когда он жжёт, так и истина не бывает немножко истина, немножко ложь, а всегда истина, когда она показывает то, что есть, а не то, что бы мы хотели, чтобы было. [76]

Всякое оглядывание назад есть остановка и отклонение. Как в сказках, чтобы достать живую воду и поющее дерево, надо идти и, главное, не оглядываться. И какая страшная непреодолимая сила каждого из нас (всех людей) могла бы, да и может быть, если бы мы совсем, совсем не думали ни о себе, ни о суждениях людских, а делали бы только для бога и боговским орудием, любовью. [77]

...Тому, кто так поставит вопрос: «а что, не прогадаю ли, если пойду не к чёрту, а к богу?» закричу во всю глотку: «Иди, иди к чёрту, непременно к чёрту». В сто раз лучше обжечься хорошенько на чёрте, чем стоять на распутье или лицемерно идти к богу. [78]

...Спасение наше и всех людей от наших бед в том, чтобы верить в бога не на словах, а на деле, и исполнять его закон всегда и во всех случаях жизни. [79]

Иногда я (...) предпочитаю ненавистников, ругателей истины сочувствующим ей, но не для того, чтобы ей следовать. [80]

...жить-то надо внутренней жизнью так, чтобы исполнение её требований было нужно, необходимо так же, как необходимы требования жизни телесной (голод). *Пища моя в том, чтобы творить волю пославшего.* Великое слово – сравнение, чтоб духовное делание было так же действительно необходимо, как пища. [81]

...Религиозное чувство, сознание своего отношения к бесконечному, определение этого отношения и вывода из него о своём поведении так же, как труд для того, чтобы кормиться, суть самое естественное человеческое свойство, без которого никогда не жили и не могут жить люди. (...)

Людей, лишённых религиозного чувства, так же не может быть, как людей, лишённых сердца. Могут быть духовно больные люди, временно лишённые деятельности религиозного чувства, как бывают больные, лишённые правильной деятельности сердца. [82]

Холод – отсутствие тепла. Тьма – отсутствие света, зло – отсутствие добра. Отчего человек любит тепло, свет, добро? Оттого, что они естественны. Есть причина тепла, света и добра – солнце, Бог; но нет солнца холодного и тёмного, нет злого Бога. Мы видим свет и лучи света, ищем причину и говорим, что есть солнце: нам доказывает это и свет, и тепло, и закон тяготения. Это в мире физическом. В моральном мире видим добро, видим лучи его, видим, что такой же закон тяготения добра к чему-то высшему, и что источник – Бог. [83]

Закон, нравственный закон Христа – (...) это закон вечный, который не прейдёт, пока не будет исполнен. Это закон такой же необходимый, неизбежный, как закон тяготения, химических соединений и другие физические законы. [84]

Как в треугольнике обязателен закон, что сумма углов равняется двум прямым и квадрат гипотенузы равняется сумме квадратов катетов, как бы мне ни хотелось, чтобы квадраты катетов не равнялись квадрату гипотенузы, – так нравственный закон ещё более обязателен, потому что нравственный закон – высший закон... [85]

...Постоянное движение вперёд и нравственное совершенствование всех существ и людей, всё большее и большее объединение всех людей разумом, проявляющим любовь (...), есть основной закон жизни, без веры в который не может быть никакого смысла в существовании. [86]

...[Надо] понимать жизнь посерьёзнее и любить добро, и находить наслаждение в том, чтобы следить за собой и идти всё вперёд по дороге к совершенству. Дорога бесконечная, которая продолжается и в той жизни, прелестная и одна, на которой в этой жизни находишь счастье. [87]

Жизнь не шутка, а великое, торжественное дело. Жить надо бы всегда так же серьёзно и торжественно, как умираешь. [88]

Жизнь – серьёзное дело! Ах, кабы всегда, особенно в минуты решений, помнить это! [89]

Старайтесь (...) до мелочей жить серьёзнее и помнить, что лучше ничего не делать, чем делать ничего. [90]

Смотрел (...) на прелестный солнечный закат. В нагромождённых облаках просвет, и там, как красный неправильный угол, солнце. Всё это над лесом, рожью. Радостно. И подумал: нет, этот мир не шутка, не юдоль испытания только и перехода в мир лучший, вечный, а это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для тех, кто после нас будет жить в нём. [91]

Все не могут не признавать того, что все произошли и находятся в зависимости от одного и того же начала, которое Христос называет отцом, и что смысл нашей жизни в том, чтобы исполнять его волю, волю этого начала, и употребить жизнь на то самое дело, для

которого она дана нам. Дело же это, мы тоже все несомненно знаем, состоит в том, чтобы с каждым днём и часом этой жизни становиться самому бодрее, т. е. самоотверженнее, любовнее, и участвовать в том, чтобы сделать этот мир лучше хоть на крупинку, чем он был, когда мы вступили в жизнь. Самим сделаться лучше и мир сделать лучшим... [92]

Мы все знаем, что живём не так, как надо, и не так, как мы могли бы жить. Вот эту-то мысль о том, что жизнь может и должна быть лучше, надо никогда не оставлять. Но помнить об этом надо не затем только, чтобы осуждать теперешнюю жизнь, а затем, чтобы устанавливать лучшую жизнь. Надо верить, что жизнь должна быть лучше, чем теперешняя, и жить так, чтобы она могла становиться лучше. [93]

Человек должен знать, что каждое его усилие для освобождения от грехов, соблазнов и суеверий не останется бесплодно, и не только для него, но и для жизни мира. Так что каждый должен знать, что без его усилия не может совершиться то пришествие Царствия Божия, которого желает сердце человеческое. [94]

...В этой жизни не может быть другого дела, как помогать установлению царства божия, – того, которое не может быть установлено иначе, как прежде всего в наших собственных сердцах тем, что мы будем стремиться быть совершенными, как совершенен отец наш небесный. [95]

Пока есть жизнь в человеке, он может совершенствоваться и служить миру. Но служить миру он может, только совершенствуясь, а совершенствоваться, только служа миру. [96]

Человеческий мир постоянно совершенствуется, и сознание этого совершенствования составляет одну из лучших радостей человека, и радость эта увеличивается для каждого человека ещё возможностью участия в этом совершенствовании. [97]

Нельзя останавливаться на пути самосовершенствования. Как только ты почувствуешь больший интерес к внешнему миру, чем к своей душе, знай, что ты остановился; мир движется мимо тебя, а ты стоишь. [98]

...Цель жизни человека есть всевозможное способствование к всестороннему развитию всего существующего. [99]

...Одно средство жить радостно – это быть апостолом. – Не в том смысле только, чтобы ходить и говорить языком, а в том, чтобы и руками, и ногами, и брюхом, и боками, и языком (...) служить истине (в той мере, в какой я знаю её) и распространению её – вселению её в других, не только людей, но в весь мир внешний – главной целью своей жизни сделать это дело и служить ему. [100]

Человек знает, что умрёт, и даже с каждым днём умирает. Казалось бы, довольно знать это, чтобы понять (...), что смысл жизни не может не быть независимость от временности существования, а именно, во всяком случае тот, чтобы исполнять в этом мире то, чего хочет пославший, или то, что даст смысл всякому моменту жизни, а даст такой смысл только одно: исполнение, стремление к исполнению единого желания, в котором одном свободен: нравственного совершенствования. [101]

Ужасно положение того, кто не сознаёт в себе духовной жизни и её роста. Была одна телесная жизнь – и та неудержимо уничтожается и вот-вот исчезнет.

Сознай свою духовную сущность, живи ею, и вместо отчаяния ты узнаешь ничем ненарушимую и всё увеличивающуюся радость. [102]

То, что совершенствование нашей души есть единственная цель нашей жизни, справедливо уже потому, что всякая другая цель, в виду смерти, бессмысленна. [103]

...Краткость, временность жизни. Это так ясно, когда один за другим вокруг тебя исчезают люди. (...) И стоит ли того (хоть только с этой точки зрения), появившись на такой короткий промежуток времени, в этот короткий промежуток наврать, напутать и наделать глупости. Точно, как актёр, у которого только одна короткая сцена, который долго готовился к этой сцене, одет, гримирован, и вдруг выйдет и соврёт, осрамится сам и испортит всю пьесу. [104]

Художественное произведение есть то, которое заражает людей, приводит их всех к одному настроению. Нет равного по силе воздействия и по подчинению всех людей к одному и тому же настроению, как дело жизни и, под конец, целая жизнь человеческая. Если бы столько людей понимали всё значение и всю силу этого художественного произведения своей жизни! Если бы только они так же заботливо лелеяли её, прилагали все силы на то, чтобы не испортить его чем-нибудь и произвести его во всей возможной красоте. А то мы лелеем отражение жизни, а самой жизнью пренебрегаем. А хотим ли мы или не хотим того, она есть художественное произведение, потому что действует на других людей, созерцается ими. [105]

...Человек считает борьбу с страстями только препятствием к достижению хорошей жизни, которая, ему кажется, ему предназначена и должна наступить сейчас; ошибка в том, что то, что человек считает препятствием для дела жизни, и есть само дело жизни. Другого никакого высшего дела нам не предстоит, как эта борьба с своим животным, одухотворение этого животного. И мир так устроен, что, делая это дело, сосредоточивая все свои силы на борьбе с собой, человек делает наилучшее дело жизни, дело божье, наидействительнейшим образом влияет на людей вокруг себя. [106]

...Никто из нас не должен и не может быть празднен, если признаёт то, что он живёт не по своей воле, не для своего удовольствия, а для исполнения воли божьей, вложенной ему в сердце. Если человек не видит той страшной дикости, в которой живёт народ, то он и не страдает от этого, если же он видит и страдает, то это страдание неизбежно призывает его к деятельности, а деятельность утишает страдание. (...) Да, надо проповедовать всеми средствами, которые даны нам, но прежде всего своей жизнью. Чем больше живу, тем больше убеждаюсь, что голод материальный ничто в сравнении с голодом духовным, и потому не столько грех не подать хлеба телесного, чем хлеба духовного, тем более, что последнего люди не просят, полагая, что они сыты. [107]

Только человек, сознающий себя духовным существом, может сознавать человеческое достоинство своё и других людей, и только такой человек не унижит ни себя, ни ближнего поступком или положением, недостойным человека. [108]

Главное спасение от всех бед – это сознание людьми своих обязанностей к Богу и поставление их впереди всех других обязанностей: помнить, что прежде, чем я – Царь, кучер, городской, я – человек. Это, только это одно я желал бы проповедовать всем людям. [109]

Я нынче в очень дурном духе и мне трудно помнить, представить себе себя, каким я бываю в хорошем духе. А это непременно нужно... (...) Надо не верить, что я такой дрянной, каким я себя чувствую, а сделать усилие вспомнить, какой *я там*, какой *я в духе*, и жить в меру того воспоминаемого я... [110]

Только забудь про своё маленькое, гаденькое «я», перестань желать ему одному добра, перестань осуждать людей, завидовать им, перестань желать им зла, и ты почувствуешь, как в тебе проснётся и просияет Бог. Будь только чистым стеклом, и сквозь стекло это будет не переставая светить Бог, и радости твоей не будет конца. [111]

...Почаще поднимайтесь на ту высоту, с которой все практические дела кажутся крошечными и идущими так, как им должно (...). Без этого нельзя жить. Потолкаешься о препятствия, неприятности мирских дел, и невольно вспомнишь, что есть крылья и есть небо, и можно взлететь... [112]

Бьёшься по стенкам клетки. Это и полезно, тем, что заставит тебя вспомнить, что верх свободен и что у тебя есть крылья. Поднимись. Стены это условия мирской жизни. Верх это Бог, крылья это вера в него. [113]

Человек, живущий телесной жизнью, руководящийся временными интересами, совершенно подобен птице, которая, мучаясь, бегала бы слабыми ногами по земле, не зная употребления своих крыльев. [114]

Паскаль (*Блез Паскаль (1623–1662) – французский математик, механик, физик, литератор и философ.*) говорит, что христианин должен испытывать чувство презираемого, ничтожного человека, который вдруг узнаёт, что он царский сын.

Человек, поверивший в бога и потому в свою сыновность ему, узнаёт больше этого гораздо. И потому мы должны радоваться. Или ёжиться и ждать, не жить, или радоваться. Подумаешь, как несчастен я был, когда у меня не было этого духовного пристанища, и как несчастны все люди вокруг нас. И мы не ценим своего блага. [115]

– 4 –

Все пути человеку заказаны, кроме одного – совершенствования, увеличения духовной силы... [116]

Что главное дело нашей жизни состоит в стремлении к совершенству, «будьте совершенны, как отец», – совершенству в смысле увеличения любви, несомненно подтверждается уже тем, что во всём другом мы можем встретить препятствия, в этом же – увеличении любви, всегда доставляющем нам радость, ничто и никогда не может помешать нам. [117]

Цель жизни каждого отдельного человека одна: внутреннее совершенствование, состоящее в увеличении в себе любви. То, что в этом цель жизни, доказывается тем, что, во-первых, это совершенствование, в противоположность всем другим целям жизни, которые не в нашей власти, зависит только от нашей воли и потому всегда возможно; во-вторых, тем, что

это совершенствование в любви тотчас же даёт тем большую радость и спокойствие, чем больше сделал усилия для этого совершенствования. В-третьих, тем, что цель жизни, положенная в совершенствовании, уничтожает страх прекращения жизни личности в смерти, так как любовь переносит интересы жизни вне личности; и, в-четвёртых, ещё и потому, что все величайшие учителя жизни от браминов, Будды и до Христа, Магомета и всех других мудрецов только именно эту цель указывали людям. [118]

...Единственное и важное, радостное дело, в котором никогда никто не может помешать нам и которое никогда не может быть всё доделано так, чтобы нечего было больше делать, – есть только одно: своё духовное – нравственное совершенствование. Как человека с завязанными глазами направляют на путь тем, что толкают его со всех тех сторон, в которые ему не нужно идти, и оставляют одну ту, по которой ему надо идти, так и нас все наши похоти, кончающиеся разочарованием и бедствиями, толкают со всех сторон и оставляют нам открытой только одну дорогу нравственного совершенствования, и нравственного, а не физического и не умственного, опять потому же, что могут быть условия, при которых я не могу быть сильным, ловким – я калека, – могут быть условия, при которых я не могу умственно развиваться – я живу в глуши, я не быстр умом, – но нравственное совершенствование всякому всегда и везде возможно, и радость, доставляемая этим движением вперёд, огромна (...). И мало того, что само стремление и движение вперёд доставляет духовную радость жизни, при такой жизни большей частью бывает то, что и все мирские радости именно тогда, когда их не ищешь, не ставишь себе целью, бывает то, что и мирские и лучшие радости сами собой приходят такому человеку. [119]

В человека вложена потребность счастья; стало быть, она законна. Удовлетворяя её эгоистически, то есть отыскивая для себя богатства, славы, удобств жизни, любви, может случиться, что обстоятельства так сложатся, что невозможно будет удовлетворить этим желаниям. Следовательно, эти желания незаконны, а не потребность счастья незаконна. Какие же желания всегда могут быть удовлетворены, несмотря на внешние условия? Какие? Любовь, самоотвержение! [120]

...Стремление к совершенствованию не есть предписание разума, а есть свойство, прирождённое человеку. [121]

Самосовершенствование уже потому свойственно человеку, что он никогда, если он правдив, не может быть доволен собою. [122]

Как можно приучить себя класть жизнь в чинах, богатстве, славе, даже в охоте, в лекционерстве, так можно приучить себя класть жизнь в совершенствовании, в постепенном приближении к поставленному пределу. Можно сейчас испытать это: посадить зёрнышки и начать следить за их ростом, и это будет занимать и радовать. Вспомни, как радовался на увеличение силы телесной, ловкости: коньки, плавание. Так же попробуй задать себе хоть то, чтобы не сказать в целый день, неделю ничего дурного про людей, и достижение будет также занимать и радовать. [123]

Да, как атлет радуется каждый день, поднимая бóльшую и бóльшую тяжесть и оглядывая свои всё разрастающиеся и крепнущие белые (бисепсы) мускулы, так точно можно, если только положишь в этом жизнь и начнёшь работу над своей душой, радоваться на то, что каждый день, нынче, поднял бóльшую, чем вчера, тяжесть, лучше перенёс соблазн. Только любоваться нельзя, да и не на что, потому что всегда остаётся так много недоделанного. [124]

Как вследствие физического движения: кровообращения, питания, – собирается и растёт физическое тело, так точно вследствие духовного движения, любовного общения – собирается духовное тело нашей будущей жизни. [125]

Хорошо начинать день молитвой о том, чтобы провести день или ту часть его, которая дана мне, исполняя волю Бога: своё назначение, и кончать день перед сном молитвой воспоминания и покаяния о том, в чём отступил от должного. [126]

...Все о других заботятся и что-то всё исправляют и чему-то учат, тогда как у каждого человека есть громадное дело, данное ему богом, заниматься своей собственной душой. Это дело всецело должно наполнить жизнь человека; и очищать свою душу от той грязи и мерзости, что выросла на ней, это самое важное дело жизни; и всё время, отведённое нам, должно уходить на это дело. [127]

Служи общему делу – делай дело любви – словом, воздержанием, усилием: тут не сказал словечка дурного, не сделал того, что было бы хуже, тут преодолел робость и ложный стыд и сделал и сказал то, что надо, что хорошо, то, что любовно, – всё крошечные, незаметные поступки и слова, и из этих-то горчичных зёрен вырастает дерево любви, закрывающее ветвями весь мир. [128]

...Смысл жизни в том, чтобы устанавливать Царство Божье на земле, т. е. заменять насильственное, жестокое, ненавистническое сожительство людей любовным и братским. Средство же для этого достижения есть своё личное совершенствование, т. е. замена своих эгоистических стремлений любовным служением другим, как в Евангелии сказано, в чём и весь закон и пророки: поступать с другими, как хочешь, чтобы поступали с тобой. В этом я вижу смысл жизни, выше которого не вижу другого, и живу далеко не всегда во имя этого смысла жизни, но часто, и чем дальше, тем чаще, приучаю себя жить во имя этого, и чем больше привыкаю к этому, тем радостнее, свободнее, независимее от всего внешнего моя жизнь, и тем менее мне страшна смерть. [129]

Если жизнь в совершенствовании, то человек не может быть хорош никогда. И потому смирение – необходимейшее условие жизни. [130]

Судишь других, не зная их. А про себя сколько гадостей знаешь и забываешь. [131]

Осуждение другого всегда неверно, потому что никто никогда не может знать того, что происходило и происходит в душе этого другого. [132]

Осуждать людей в глаза нехорошо потому, что это обижает их, а за глаза нехорошо потому, что это обманывает их. Самое лучшее – не искать дурного в людях и не замечать его, а искать дурное в себе и стараться исправлять не других, а себя. [133]

Часто люди думают выказать себя тем, что подмечают недостатки людей. А они этим только выказывают свою слабость. Чем человек умнее и добрее, тем больше он видит добра в людях, а чем глупее и злее, тем больше он видит недостатков в других. [134]

Отчего мы так рады обвинять и так злобно, несправедливо обвиняем? Оттого, что обвинение других снимает с нас ответственность. Нам кажется, что нам дурно не оттого, что мы дурны, а оттого, что другие виноваты. [135]

Если сердишься на людей, то подумай, не оттого ли, что сам плох. Если сердишься на животных, то все вероятия за то, что плохота в тебе. Если же сердишься на вещи, то знай, что всё в тебе, и надо взять себя в руки. [136]

Чем больше укрепляется в человеке разум и затихают страсти, тем больше освобождается в нём духовная жизнь любви к богу и ближнему. Счастлив человек, когда он сознательно помогает этому. [137]

Как бури волнуют воды и уничтожают их прозрачность, так и страсти, тревоги, страхи, смущая душу, мешают человеку сознать свою сущность. [138]

Если страсть овладевает тобою, то помни, что твоё страстное желание не составляет твоей души, а только тёмный налёт, временно скрывающий от тебя её истинные свойства. [139]

Всякая страсть в сердце человека – вначале как проситель, потом – как гость, и наконец – как хозяин дома. Постарайся отказать просителю, не открывая ему двери дома. [140]

Человек со своими страстями – как укротитель львов и медведей в зверинцах. Зануздать их, приручить, сделать из них домашних животных, слуг – в этом дело всякого человека. Пускай звери эти и рычат и готовы растерзать тебя, но не смеют и покоряются тебе. [141]

Часто люди гордятся более силою своих желаний, чем силою власти над своими желаниями. Какое странное заблуждение! [142]

Грехом в пахоте называется то, когда пахарь не удержит плуг, и он выскочил из борозды и не захватил того, что должно. То же и в жизни. Грех это – то, когда человек не удержал тела, оно сорвалось с пути и сделало не то, что должно. [143]

Все лучшие наши поступки достигаются не бурными внешними порывами, а, напротив, тихой внутренней работой над своей душой. Все двери в хорошие святые покои открываются на себя и с усилием. Легко и без усилий, одним толчком открываются только двери в погибель. [144]

Всё истинно великое совершается медленным, незаметным ростом. [145]

Истинная сила человека не в порывах, а в ненарушимом, спокойном стремлении к добру, которое он устанавливает в мыслях, выражает в словах и проводит в поступках. [146]

...Когда наступают времена спокойствия, надо дорожить ими, стараться продлить их. Это те времена, в которые возникают, уясняются и укрепляются мысли – руководители жизни. [147]

Бойся внушения направленной на тебя злобы, выражающейся в злых против тебя поступках. Ни на чём так не виден успех человека на пути добра, как на том, чтобы не сер-

диться и не отплатить злым словом за злое слово, или удар за удар человеку, оскорбляющему тебя. [148]

Отвечай добром на зло, и ты уничтожишь в злом человеке всё удовольствие, которое он получает от зла. [149]

Одно из важнейших правил в жизни: *не зевать, когда другие зевают*. Не поддаваться никакому внушению, не проверив его. Отдаваться только такому, какое признаёшь добрым (...). Не забывать и того, что ты тоже внушаешь. [150]

Как надо быть настороже от всякого заражения: заражения насмешки, чувственности, а главное, злобы! Человек злобно бранит тебя, и ты, вместо того, чтобы почувствовать отвращение к злобе, сам заражаешься ею. Как пищу нельзя принимать, не спросив себя: не вредна ли она; так и всякое внушение, гипнотизацию. Прежде, чем отдаться ей, надо спросить себя: не вредная ли она? [151]

Надо быть, как лампа, закрытым от внешних влияний – ветра, насекомых, и при этом чистым, прозрачным и жарко горящим. [152]

Когда сердишься, не любишь кого-нибудь, знай, что это не ты, а что это сон, кошмар – самый ужасный кошмар. Как останавливаются косить, чтоб не портить травы. Так и тут. Надо лечиться. [153]

Сколько есть людей, всем недовольных, всё осуждающих, которым хочется сказать: подумайте, неужели вы только затем живёте, чтобы понять нелепость жизни, осудить её, посердиться и умереть. Не может этого быть. Подумайте. [154]

Самые ничтожные мелочи содействуют образованию характера. Не говори, что мелочи – пустяки, а помни, что воздержание от этих мелочей есть важное и великое дело, потому что из мелочей складывается большое: вся жизнь человека. [155]

...Самые большие и вредные преступления не те, которые совершаются временами, а те, которые совершаются хронически и не признаются преступлениями. [156]

Разумный и хороший человек видит в самых ничтожных и мелких делах Божескую силу. Такой человек всегда уважает и себя, и других, и не пренебрегает никакими делами, а во всех, хотя бы в самых ничтожных, делах старается проявить ту свою духовную силу, которая одна во всех людях и которая поэтому соединяет всех. [157]

Нет таких положений и нет таких незначительных дел, в которых не могла бы проявиться мудрость. [158]

Как таинственны, вечно таинственны, вне нашего наблюдения и соображения, пути, по которым души человеческие приближаются к Богу. Мы знаем, я, по крайней мере, знаю, только то, что зарождение духовной истинной жизни в другом человеке возбуждает во мне священный ужас, страх чем-нибудь, не то что уж словом, дыханием, взглядом, знанием того, что началось и совершается что-то – помешать рождению; как примета есть, что не надо, чтобы знали люди, когда женщина рожает. [159]

– 5 –

Делать зло так же опасно, как дразнить дикого зверя.

Большей частью в этом мире и в самой грубой форме зло возвращается на того, кто его сделал. [160]

...Нравственный закон сам за себя отплачивает, когда нарушаешь его. [161]

Ищи причину зла, от которого ты страдаешь, в себе. Иногда это зло непосредственное последствие твоей деятельности, иногда оно через сложную передачу вернулось на тебя, но всегда источник его в тебе, и спасение от него – в изменении твоей деятельности. [162]

Многие грехи наши, особенно когда уже мы давно перестали делать то, что их производило, и живём, ждём плодов добрых от более доброй жизни, когда эти грехи проявляются в нас своими последствиями, удивляют, ужасают нас; так это бывало много раз со мной; но не надо ужасаться, это только значит то, что ты не расчёлся ещё с грехом, и, как в пушкинском «Выстреле», грех требует от тебя расчёта, тогда как ты думал, что ушёл от него. Это карма в этой жизни. [163]

– 6 –

...Что такое благо? Блага абсолютного нет во внешнем мире. Одно истинное благо есть наибольший свет разума, при котором человек может сделать наивернейший выбор. В совершенной темноте я изобью ноги и голову; при малом свете я хоть огражусь от беды и найду, что мне нужно; при большом свете я ещё больше могу сделать того, что мне хорошо. И потому наибольший свет есть наибольшее благо. (...)...свет, при котором жизнь не [представляется], как прежде, бессмысленным злом, а разумным благом для меня, для всех и при всех возможных условиях. [164]

Для того, чтобы идти, надо знать, куда идёшь. То же нужно и для того, чтобы разумно и хорошо жить. Надо знать, куда ведёт жизнь и моя, и всех людей. [165]

Вижу (...) во всей природе: каждое растение, каждое животное предназначено что-то делать, и для этого дела даны каждому соответственные органы: корни, листья, щупальцы, обоняние и т. д. Вижу, кроме этого, человека, которому, кроме тех органов, которые даны животному, дан ещё разум, требующий от него осмысливания всех его поступков. Вот этот-то разум и должен быть удовлетворён и должен указать человеку, что ему надо делать соответственно этому разуму. И так жили и всегда живут люди, руководствуясь своим разумом. Жить, руководствуясь своим разумом, и значит жить, исполняя волю Божью. Точно так же, как для растения, животного жить, руководствуясь своими органами и инстинктами, значит жить, исполняя волю Божью. [166]

Жить для Бога? Как дойти до того, чтобы жить для Бога? Так же, как дошёл до того, что жил только для себя: убедиться, что всякая другая жизнь бессмысленна, бесполезна, губительна, что всякая другая жизнь не жизнь. Не убедительность, даже не руководящее чувство даёт твёрдость убеждения – опытом изведенное и несомненное бессмыслие всякой другой жизни. [167]

...Цель жизни одна: быть совершенным, как Отец; делать то же, что Он, то, чего Он хочет от нас, т. е. любить; любовь чтобы руководила в минуты самой энергичной деятельности и чтобы одной ей дышать в минуты величайшей слабости. Как только что-нибудь тяжело, больно, так стоит только вспомнить это, и всё тяжёлое, больное исчезает и остаётся одно радостное.

Человеку, серьёзно, искренно пользующемуся своим разумом, очевидно, что все цели закрыты ему: одна только разумна: жить для удовлетворения требований Бога, своей совести, своей высшей природы (всё одно и то же). Если выразить это во времени, то жить так, чтобы готовить свою душу к переходу в лучший мир, если выразить это точнее вне времени: слить свою жизнь с её безвременным началом, с Добром, с Любовью, с Богом. — Боюсь только одного: чтобы это так сильно и благотворно действующее на меня сознание единственной разумности и свободы, радостности жизни в Боге не притупилось, не потеряло своё возносящее меня от дрязг жизни, освобождающее действие. Ах, кабы всем, кабы всегда так. [168]

...Что же сделает один человек в толпе, несогласной с ним? Нет рассуждения, которое бы очевиднее этого показывало неправду тех, которые употребляют его. Бурлаки тянут барку против течения. Неужели найдётся такой глупый бурлак, который откажется влечь в свою лямку, потому что он один не в силах тянуть барку против течения. Тот, кто признаёт за собою, кроме своих прав животной жизни — есть и спать, какую-нибудь человеческую обязанность, знает очень хорошо, в чём эта человеческая обязанность, точно так же, как знает это бурлак, на которого надета лямка. Бурлак очень хорошо знает, что ему надо только влечь в лямку и идти по данному направлению. Он будет искать того, что ему делать и как, только тогда, когда он сбросит с себя лямку. И что с бурлаками и со всеми людьми, делающими общую работу, то и в деле всего человечества: каждому надо не снимать лямку, а влечь в неё по данному хозяином направлению. И на то и дан разум один всем людям, чтобы направление это было всегда одно. И направление это дано так очевидно несомненно, и во всей и жизни окружающих нас людей, и в совести каждого человека, во всём выражении мудрости людей, что только тот, кто не хочет работать, может говорить, что он не видит его. [169]

...Тот, кто искренно задаст себе вопрос, что делать, и, отвечая на этот вопрос, не будет лгать перед собой, а пойдёт туда, куда поведёт его разум, тот уже решил вопрос. Если он только не будет лгать перед собой, он найдёт, что, где и как делать. [170]

Есть два приёма деятельности людских, и по тому, какого из этих двух родов деятельностей они преимущественно держатся, и два рода людей: одни употребляют свой разум на то, чтобы узнать, что хорошо и что дурно, и поступают сообразно этому знанию; другие поступают, как им хочется, и потом уже употребляют свой разум на то, чтобы доказать, что то, что они сделали, хорошо, а чего не сделали, дурно. [171]

Чем больше живёшь, тем больше убеждаешься в том, что ум люди употребляют только на то, чтобы оправдывать свои безумные поступки. [172]

Самая обычная и распространённая причина лжи есть желание обмануть не людей, а самого себя. [173]

Ложь перед другими далеко не так важна и вредна, как ложь перед собой. Ложь перед другими есть часто невинная игра, удовлетворение тщеславия; ложь же перед собой есть всегда извращение истины, отступление от требований жизни. [174]

Мы все знаем, что значит лгать перед людьми, но лжи перед самими собой мы не боимся; а между тем, самая худшая, прямая, обманная ложь перед людьми ничто по своим последствиям в сравнении с той ложью перед самим собой, на которой мы строим свою жизнь. [175]

Говорить и делать правду нужно всегда, даже в самых пустых делах не позволять себе лжи. Не то важно, что большое или малое зло произойдёт от твоей неправды, а то дорого, чтобы самого себя никогда не осквернять ложью. [176]

Надо не переставая учиться делать, говорить и думать правду. Только тот, кто начнёт учиться этому, поймёт, как мы ещё далеки от правды и как многому ещё надобно нам учиться. [177]

Ложь достигает только самых ближайших и ничтожных целей и всегда вредит самым важным, вечным задачам человека. Ложь тем и страшна, что она скрывает духовное, единое во всех, существо и потому препятствует возможности единения. С человеком лгущим не может быть никаких отношений, кроме животных. [178]

Ложь есть умышленное извращение истины, которое может быть совершено только ради достижения целей животной личности. [179]

Мы удивляемся перед растением (как мухоловка), которое проявляет признаки разума. Так же удивительно, когда разумное существо проявляет только признаки жизни животной или растительной. [180]

...Жизнь без объяснения её значения и смысла и без вытекающего из него неизменного руководства есть жалкое существование. [181]

..Если бы мне предложили дать единый совет, совет, который я считаю наиболее полезным для людей нашего века, я бы сказал им только одно: ради бога, остановитесь хоть на мгновение, перестаньте работать, оглянитесь вокруг, подумайте, что вы из себя представляете и какими бы вы должны были быть, подумайте об идеале. [182]

...Мне так несомненно ясно, что все наши беды, всё, всякое зло оттого, что мы живём без религии и живём усиленным, напряжённым темпом, отчего зло это ещё ужаснее. [183]

Без религии, т. е. установленного отношения к бесконечному духовному, человек – бесхвостая обезьяна, умеющая делать фонографы, баллоны, бомбы и т. п. [184]

Отчего одни люди понимают жизнь религиозно, другие нет? Это самая большая разница, какая только может быть между людьми. Религиозные люди – это настоящая духовная аристократия. И как их мало. [185]

Есть только два рода людей: религиозные, живущие для исполнения Общей воли, и нерелигиозные, живущие для себя. Это два более различных существа, чем волк и заяц. [186]

Большинство людей живёт не думая; большинство людей так расточает свои силы в борьбе за существование, что у них не остаётся времени, чтобы подумать: они просто при-

нимают то, что есть, за то, что должно быть. В этом главная причина трудности познания истины. [187]

Интересы: пища, одежда, жилища и улучшение этих предметов и увеличение денег. Все борются, одни вверху, другие внизу, но стремления у всех одни – все гипнотизируют, заражают друг друга этой жадностью и все горят одним желанием, стремятся в одну сторону, и только отдыхаешь при виде детей, сумасшедших и пьяных. [188]

«Как океан объемлет шар земной, так наша жизнь объята снами». Мало того – снами: объята бессознательной рефлексивной жизнью. Не только рефлексивною, но рассудочною, признаваемой большинством людей жизнью, но не имеющей в себе истинных свойств жизни. Истинная жизнь, жизнь, сознающая своё божественное начало, только как редкие островки на этом океане бессознательной жизни, совершающейся по определённым материальным законам. И только эти моменты, складываясь друг с другом (исключая всё разделяющее их), составляют истинную жизнь. Остальное сон. [189]

Жизнь начинается только тогда, когда начинается божеское сознание, т. е. сознание себя сыном, слугою Бога, а остальное всё рефлексы, и в остальном правы материалисты, считая её только механизмом. Она и есть механизм, управляемый высшим сознанием. [190]

Настоящая, серьёзная жизнь только та, которая идёт по сознаваемому высшему закону; жизнь же, руководимая похотями, страстями, рассуждениями, есть только преддверие жизни, приготовление к ней, есть сон. [191]

...Как бывает во сне что-нибудь такое страшное, что прибегаешь к последнему средству, спрашиваешь: не сон ли это? Делаешь усилие и просыпаешься. Так же и в жизни. Когда живёшь не духовной жизнью – страдаешь и не знаешь, как быть. И тогда надо тоже спросить себя: не спишь ли? [192]

...На войне солдаты, находясь под выстрелами в прикритии, когда им делать нечего, старательно изыскивают себе занятие, для того, чтобы легче переносить опасность. [Все люди – такие солдаты, спасающиеся] от жизни: кто честолубием, кто картами, кто писанием законов, кто женщинами, кто игрушками, кто лошадьми, кто политикой, кто охотой, кто вином, кто государственными делами. [193]

Большинство людей живут так, как будто идут задом к пропасти. Они знают, что сзади пропасть, в которую всякую минуту могут упасть, но не смотрят на неё, а развлекаются тем, что видят. [194]

Сколько таких людей, с которыми не говоришь вовсе, потому что знаешь, что они во хмелю. Кто в хмелю корысти, кто тщеславия, кто влюблённости, кто прямо во хмелю наркотиков. Избави нас бог от этих опьянений. Эти опьянения (...) ставят преграды между людьми, мешают тому единению, которого хочет бог. [195]

Часто (...), ходя по городу и иногда слушая ужасные, жестокие и нелепые разговоры, приходишь в недоумение, не понимаешь, чего они хотят, что они делают, и спрашиваешь себя: *где я?* Очевидно, дом мой не здесь. [196]

– 7 –

Говорят, одна ласточка не делает весны; но неужели оттого, что одна ласточка не делает весны, не лететь той ласточке, которая уже чувствует весну, а дожидаться. Так дожидаться надо тогда и всякой почке и травке, и весны не будет. [197]

Уж как крепок лёд, и как скрыта земля снегом, а придёт весна, и всё рушится. Так и тот, застывший, как будто и не движущийся строй жизни, который сковал нас. Но это только кажется. Я вижу уже, как он стал внутренне слаб, и лучам солнца и всем нам, по мере ясности отражающим эти лучи, надо не уставать отражать их и не унывать. [198]

...Унывать нам нельзя. Сколько бы мы ни падали, ни сбивались с дороги, ни засыпали на ней, мы знаем, что другого пути – другой жизни – нет, как та, которая даёт благо неотъемлемое, и потому не можем не быть радостны и счастливы всякий раз, как вступаем опять в истинную жизнь, из которой нас на время выбрасывают наши слабости, про которые знает тот, кому мы хотим служить, тот, для кого и кем мы живём. [199]

...Между волею бога и существующим порядком полное несогласие, и происходит борьба. Тысячелетия уже идёт эта борьба между законами божьими и человеческими, между любовью и ненавистью, и безостановочно, с каждым веком, с каждым годом, каждым днём и часом свет побеждает тьму, и люди всё более и более приближаются к идеалу, указанному всеми пророками, Христом и нашим сердцем, и исход борьбы несомненен. [200]

Очень тяжёлое время мы переживаем. Грустить не надо. Это как роды; мучения (...) – после них будет радость. Люди переродятся; эти самые несчастья натолкнут их на духовное сознание. [201]

Carthago delenda est (Карфаген должен быть разрушен (лат.).) Жизнь, та форма жизни, которой живём теперь мы (...) – *delenda est*, должна быть разрушена, говорил я, и буду твердить это до тех пор, пока она будет разрушена. Я умру, может быть, пока она не будет ещё разрушена, но я не один, со мной стоят сотни тысяч людей, со мной стоит истина. И она будет разрушена, и очень скоро. [202]

Знаю я, что я не увижу последствий (...) моего воззвания, но знаю так, знаю вернее смерти, что последствия эти будут. Будут не в том смысле, что сложится такой или иной мною предвидимый и желаемый строй жизни, а будут в том, что уничтожится то безумие и зло, в котором живут теперь люди христианского мира. Это будет, я вернее смерти знаю, что это наверно, неизбежно будет. [203]

Уничтожиться должен строй соревновательный и замениться должен коммунистическим; уничтожиться должен строй капиталистический и замениться социалистическим; уничтожиться должен строй милитаризма и замениться разоружением и арбитражей; уничтожиться должен сепаратизм узкой национальности и замениться космополитизмом и всеобщим братством; уничтожиться должны всякие религиозные суеверия и замениться разумным религиозным нравственным сознанием; уничтожиться должен всякого рода деспотизм и замениться свободой; одним словом, уничтожиться должно насилие и замениться свободным и любовным единением людей. [204]

Одно я знаю, и это несомненно, что та истина, которой я живу всё больше и больше, будет завоёвывать мир и завоюет его весь... [205]

Всё в тебе

– 1 –

Большая ошибка думать, что Царство Небесное там, за гробом, и такая же большая ошибка думать, что оно здесь. Оно внутри, а когда внутри, то здесь и там нераздельно. [1]

...Люди, созерцая идеал, всегда надеются найти его где-нибудь и спешат искать. Они не знают и не хотят верить, что его не надо искать там и здесь, в пространстве и времени, а что идеал затем дан, чтобы его осуществлять сейчас, *здесь. Царство Божие внутри нас и достигается усилием.* [2]

Ты ищешь рай, хочешь быть там, где нет страданий и вражды – освободи своё сердце, сделай его чистым и светлым, и тебе уже и здесь будет тот рай, которого ты желаешь. [3]

...Всякое занятие делом, имеющим определённую цель, достижение этой внешней цели есть пьянство; пьянство в том смысле, что цель внешняя никак не может быть серьёзной, заправочной целью человека. (...) Людям всем дано только одно дело: соблюдение своей души. Искание того Царства Божия, которое внутри нас, и остальное всё не приложится, а само вытечет из этого искания... [4]

...Всё яснее и яснее мне становится то, что только единое на потребу – одно нужно: блюсти в себе своё божественное «я» и растить его, с тем, чтобы перенести его в другую жизнь возвращённым, – след же, который оно оставит в этой жизни, есть только неизбежное последствие этого возвращения, совершенствования. Я боюсь, что это покажется словами только: для меня это дело, не только дело, но единственная связь моя с жизнью. Только этим можно жить бодро, энергично, после того, как в сознании, по крайней мере, отказался от земных внешних радостей как цели жизни. Земные радости, когда их не ставишь целью, прикладываются. [5]

Стоит человеку отвернуться от разрешения внешних вопросов и поставить себе единый, истинный, свойственный человеку внутренний вопрос, как ему лучше прожить свою жизнь, чтобы все внешние вопросы получили наилучшее разрешение. [6]

...Совершить нельзя, да и не нужно никакого дела, а нужно только свои силы прилагать наилучшим образом к вечному божьему делу... [7]

...Жизнь, по определению Христа, т. е. истины, не есть нечто моё, не включает в себе никакой задачи для меня, никакого цельного дела, исполнимого здесь, а что жизнь есть иго или крест, есть нечто, чем я везу, или нечто, что я несу, и что всё моё внимание должно быть устремлено не на то, чтобы сделать что-то, а на то, чтобы не переставать делать дело божие, вечно нескончаемое и неохватываемое, и не понимаемое моим разумом, но участие или неучастие в котором всегда сознаётся мною. При этом думаю иногда, что при всякой деятельности настоящей важно не то, что из неё вышло, а усиление того, кто в ней участвует. Человек вытащил другого из огня. Тут дело божие не в спасении человека (он может быть не нужен или вреден, себе даже), а в том росте духа, который совершился, когда спасавший

боролся, т. е. рос духовно и вырос – решился. Не то дело, что стирается брусок, а то, что точится лезвие. [8]

Недовольство, усталость, уныние, потребность того, чего нет, всё это оттого, что мы составляем планы, что хотим достигнуть чего-то видимого. Стоит только ясно понять, что я ничего удовлетворяющего меня, видимого достигнуть *не могу*, и что потому большее или меньшее достижение теперь безразлично, а что дело только в том, насколько я не спускаю постромки и везу, что успокоение моё не в том видимом, чего я достиг, а в том, что я знаю и люблю общее дело божье и своей жизнью участвую в нём, и делается хорошо и радостно. [9]

Нам кажется, что настоящая работа – это работа над чем-нибудь внешним – производить, собирать что-нибудь: имущество, дом, скот, плоды, а работать над своей душой – это так, фантазия, а между тем всякая другая, кроме как работа над своей душой, усвоение привычек добра, всякая другая работа – пустяки. [10]

Не цели, общие с окружающими тебя людьми, должны определять твою деятельность, а назначение твоей жизни, одинаковое с назначением всех людей мира. [11]

Страшно и жутко отречься от видимого представления о жизни и отдаться невидимому сознанию её, как страшно и жутко было бы ребёнку родиться, если бы он мог сознавать своё рождение, – но делать нечего, когда очевидно, что видимое представление влечёт к смерти, а невидимое сознание одно даёт жизнь. [12]

Привыкли думать, и так учат враги истины, что совершенствование есть эгоизм, что, живя для совершенствования, уходишь от жизни. Это великая неправда. Совершенствоваться можно только в жизни, в общении с людьми. И если человек, живя среди людей, полагает свою главную цель в совершенствовании перед богом, он в практических делах достигнет больших результатов, чем человек, ищущий одного успеха внешних дел. [13]

Не заниматься собой, а работать внешней работой, которую я считаю нужной, всё равно, что рубить тупым топором. Только испортишь топор и размочалишь и расщеплешь то, что рубишь, а ничего не сделаешь, не построишь. [14]

Все мы думаем, что наша обязанность, призвание – это делать разные дела: воспитать детей, нажить состояние, написать книгу, открыть закон в науке и т. п., а дело у всех нас только одно: делать свою жизнь, сделать так, чтобы жизнь была цельным, разумным, хорошим делом. [15]

Не стараться делать добро надо, а стараться быть добрым; не стараться светить надо, а стараться быть чистым. Человек носит в себе алмаз, призму которого он может очистить и не очистить. Насколько очищен этот алмаз, настолько светит через него свет и Бог, светит и для самого человека, и для других. И потому всё дело человека внутренне не в делании добра, не в свечении людям, а только в очищении себя. И свет, и добро людям – неизбежные последствия очищения. [16]

Доброе (...) дело не в том, чтобы накормить хлебом голодных, а в том, чтобы любить и голодных, и сытых. И любить важнее, чем кормить, потому что можно кормить и не любить, т. е. делать зло людям, но нельзя любить и не накормить. (...) ...Доброе дело только дело любви, а дело любви – всегда дело жертвы. [17]

Накормить голодного, одеть голого, посетить больного – всё добрые дела, но несравнимое со всем этим доброе дело – освобождение брата от заблуждения. [18]

...Не говорите о нужде бедных материально и о помощи им. Нужда и страдания не от материальных причин. Если помогать, то только духовными дарами, нужными одинаково и бедным, и богатым. [19]

Добро нельзя измерять ни нуждой получающего, ни жертвою дающего, а только тем общением в божестве, которое устанавливается между дающим и получающим. [20]

Служить людям? но как, чем служить? Не деньгами, не услугами телесными даже: расчистить каток, сшить сапоги, вымыть бельё, посидеть ночь за больным. Всё это и хорошо, может быть, и лучше, чем делать это для себя, но, может быть, и дурно и, в сущности, бесполезно. Одно полезно, одно нужно – это научить (...) жить добро. А как это сделать? Одно средство: самому жить хорошо. [21]

Дал одному, 3-м, почему не 20-и, 1000, миллиону. Очевидно, нельзя дать, отдав и всё. Что же делать? Чем помочь? Только одним: доброй жизнью. Всё зло не от того, что богатые забрали у бедных. Это маленькая часть причины. Причина та, что люди и богатые, и средние, и бедные живут по-зверски, – каждый для себя, каждый наступая на другого. От этого горе и бедность. Спасенье от этого только в том, чтобы вносить в жизнь свою и потому других людей другое – уважение ко всем людям, любовь к ним, заботу о других и наибольшее возможное отречение от себя, от своих эгоистических радостей. [22]

...Ничто так не убивает внутреннее, как внешнее, и ничто так не развивает лицемерие (самого страшного врага истины), лицемерие, гордость, неуважение к людям, как приписывание значения внешним формам жизни. [23]

...Помочь (...) человеку можно только тем, чтоб переменить его мирозерцание. А чтобы переменить мирозерцание другого человека, надо самому иметь своё лучшее мирозерцание и жить сообразно с ним... [24]

Назначение человека в том, чтобы служить Богу – миру. А человек начинает служить себе и, разумеется, портит свою жизнь. Испортив свою жизнь, начинает служить обществу, чтоб ему было лучше. И ещё больше портит себе. А служить надо Богу в себе, или себе в Боге. [25]

Служить Богу и людям. Но как? чем? Может быть, нет этой возможности. Неправда. Эта возможность всегда дана тебе – делаться лучше. [26]

Чем больше занят собою, своей душою, тем меньше занят внешним миром, и тем больше добра вносишь в мир. И наоборот. [27]

Для животного существа в человеке нужно счастье извне, для разумного, духовного существа нужно только усилие (усилие сознания) изнутри. [28]

...Счастье человеческое никогда не было и не может быть в каком-либо определённом положении. (Так оно представляется только самым грубым людям: покой, праздность, богатство.) Счастье не может состоять в каком-либо определённом состоянии, как бы оно,

это состояние, ни казалось нравственно и утончённо; счастье состоит в радостном исполнении своего дела жизни, радостного, спокойного, твёрдого ответа на все те требования, какие заявляет жизнь. [29]

Все различия наших положений в мире – ничто в сравнении с внутренними силами власти над собой. Всё равно как безразлично, упал ли человек с корабля в Азовское, Чёрное, Средиземное море или в океан, в сравнении с тем, что умеет он плавать или нет. Сила не во внешних условиях, а в умении владеть собой. [30]

Благодарю Тебя, Господи, за то, что одно, единственное одно, что нужно мне, в моей власти. [31]

Много, мне кажется, совершается перемен во всём. Это, должно быть, во мне перемены, а мне кажется, что вне меня. Серьёзнее и важнее всё стало. [32]

...Думать, что внешними условиями можно изменить свою жизнь, всё равно, что думать, как я, бывало, маленький, что, севши на палку и взяв её за концы, я могу поднять себя. [33]

Перемена внешних условий есть напрасная трата сил, долженствующих быть направленными на внутреннюю работу. А если внутри всё в порядке, то везде хорошо. Как в индийском изречении сказано: «Искать улучшения жизни вовне всё равно, как пастуху искать потерянного ягнёнка, когда он у него за пазухой». [34]

Только спокойнее, покорнее несите те условия жизни, в которых вас ставит судьба, и условия эти изменятся. [35]

...Как только любовь к ближнему станет для человека естественной, новые условия христианской жизни образуются сами собой, совсем как в жидкости, насыщенной солью, образуются кристаллы, как только перестают её взбалтывать. [36]

...Когда положишь все силы на внутреннюю работу (...), то или внешняя жизнь сложится, как мы желаем, или то, что она не такова, как мы желаем, перестанет тревожить нас. [37]

На вопрос ваш, как вам устроить свою жизнь? – отвечаю отрицанием самого вопроса: устраивать нашу жизнь не в нашей власти, и попытки такого устройства только нарушают то её устройство, которое предстоит нам, о котором мы не знаем и которое самое лучшее и для нас, и для всех соприкасающихся с нами. (...) Только положите все силы на это усилие, то усилие, которым берётся царство божие внутри нас, всякую минуту настоящего насколько можно больше употребляйте на эту внутреннюю работу совершенствования – освобождения, и жизнь сложится так, как она должна сложиться, и, по всем вероятностям, не так, как вы бы того хотели, но сложится наилучшим образом. [38]

...Вам не нужно бросать семью или ослаблять свою заботу о ней, но нужно внести в семейную жизнь и заботу тот идеал, к которому вы стремились и который не осуществили, но который был несомненно истинен. Нужно соединить служение людям и служение семье не механически, распределяя время на то и другое, а химически, придав заботе о семье, воспитанию детей идеальное, служебное людям значение. [39]

Чтобы выполнить, насколько в наших силах, долг истинного христианина, совершенно бесполезно менять окружающую обстановку. Идеал человека, просветлённого истинным учением Христа, есть не что иное, как постоянное нравственное совершенствование; это значит – стараться стать лучше, растить в себе любовь к Богу и людям. Совершенствование возможно при всяких условиях. [40]

Да, не важно то место, на котором находится человек в данное время, а то направление, в котором он движется, и быстрота, энергия движения. [41]

Я гадаю, спрашивая: если я буду действовать как должно, то будет ли всё хорошо, уничтожатся ли все препятствия? Вопрос этот – плеоназм, это вопрос о том: что, когда я буду действовать в области, где нет препятствий, будут ли препятствия? [42]

Не ждите от жизни ничего: лучше того, что у вас есть теперь, и момента более серьёзного и важного, чем тот, который вы теперь переживаете, не может быть, потому что он настоящий и один в вашей власти. Не думайте тоже о форме жизни, иной, более желательной: все безразличны. Лучше только та, в которой требуется наибольшее напряжение духовной силы. [43]

Из письма:

«Не делайте планов, не предполагайте, что есть время, место и люди, которые могут быть нужны и важны для Вашей жизни, и что есть место, время и люди, среди которых Вы не можете быть хорошей и потому вполне счастливой...» [44]

Те условия, в которых мы находимся, представляют из себя тот материал, над которым мы призваны работать. [45]

Мне думается иногда, что мы мало внутренне движемся от того, что суетимся внешне: только что начнётся внутренняя работа, которую надо вытерпеть, выжить, – мы засуетимся и не разродимся новым состоянием. [46]

Когда в раздумье – не знаешь, что хорошо, что дурно, нужно войти в себя; не искать спасения при внешнем свете, а потушить этот внешний свет. Он один мешает видеть то, что добро и что зло. [47]

Сказано: все страдания от незнания. Спасение от страданий – знание. Истинное знание достигается совершенствованием. И потому спасение от страданий одно: совершенствование. Совершенствование же достигается работой в тиши над собой, а никак не внешними изменениями форм жизни. [48]

Главное – надо переменить не занятия, а понятия. Раз переменяются понятия, занятия переменяются сами собой. [49]

Все великие перемены в жизни людей совершаются только в мысли. Если в сознании человека происходит перемена, действие его неизбежно отразит направление мысли, подобно барке, следующей за поворотом руля. [50]

...Я нахожу бесполезным и часто даже вредным проповедовать известные поступки или воздержание от поступков (...). Нужно, чтобы все действия происходили не из желания следовать известным правилам, но из совершенной невозможности действовать иначе. [51]

Как колёса машины нельзя повернуть силой, они все связаны с шестернями и другими колёсами, а пустить и не пустить пар, который задвигает их, легко, так точно страшно трудно изменить самые внешние условия жизни, но быть добрым или злым легко. [52]

Пусть только каждый приводит своё сознание в наибольшую ясность и жизнь в наибольшее соответствие с требованиями этого сознания. [53]

Надо ясное общее начало, и тогда подробности сложатся сами собой. Мы не можем никаких форм осуществлять, а можем только стремиться к идеалу. [54]

Никакое положение не важно и ни одно не лучше и не хуже другого: важно ясность сознания истины и неизбежно вытекающее из этого исполнение её. [55]

Я себе всегда в упрёк ставлю, что слишком много говорил об изменении форм жизни. Всё временное, внешнее, то, что будет, и то, что есть, не зависит от нас. Человек должен только стремиться к тому, что он считает правдой, а что выйдет из этого, не в его власти. [56]

Всё хочется написать и всё забываешь, что надо написать на сердце своём, и что если там будет твёрдо написано, то уж отпечатается там, где нужно. [57]

Надо, чтоб в деятельности нашей были корни. [58]

Если хочется иметь больше значения в мире, славу, то это значит, что не живёшь духовной жизнью. Для духовной жизни нет большего и меньшего. Есть только единение с Богом, исключаящее область большего и меньшего. [59]

Любовь людей – самая большая радость в жизни. Но странное дело: ищи любви людской – и не получишь её. Не думай о любви людской, не ищи её, думай только о том, чтобы угодить Богу – и получишь любви людской больше, чем ожидаешь. [60]

Угождай людям, забывая бога, и люди не будут любить тебя; угождай богу, забывая о людях, и люди полюбят тебя. [61]

Берегите себя прежде всего – для себя, тогда и людям много останется. [62]

– 2 –

Дела человека хороши не сами по себе, а по чувствам, которые им руководили. [63]

Факт греха ведь не грех, самый грех это то душевное состояние, которое его вызывало. (...) ...Грех есть только неизбежное последствие (...) ложного душевного состояния. [64]

Ужасны не грабежи, не убийства, не казни. Что такое грабежи? Это переходы имуществ от одних людей к другим. Это всегда было и будет, и в этом нет ничего страшного. Что такое казни, убийства? Это – переходы людей от жизни к смерти. Переходы эти всегда были, есть

и будут, и в них нет ничего страшного. Страшны не грабежи и убийства, а страшны чувства тех людей, которые грабят и убивают. [65]

Да, как ни ужасны самые дела, нравственное, духовное, невидимое зло (...) без сравнения, ещё ужаснее. [66]

...Дурно, что ты раскаиваешься в поступках, а не в том чувстве, которое ими руководит. [67]

Поступок самого низшего порядка, но совершённый вполне правдиво, только для бога, без сравнения, дороже, т. е. принесёт больше блага себе и другим, чем поступок самый возвышенный, самоотверженный, совершённый для людей, который не сделан бы был, если бы люди не знали про него. [68]

Дело не в том, что вы сделали, а в том, что у вас в душе; важна та работа, которая совершается в душе, приближая нас к богу (...). Поступок и то положение, в которое становится человек вследствие совершённого поступка, не имеет само по себе никакого значения. Всякий поступок и положение, в которое становится вследствие его человек, имеет значение только по той борьбе, которая происходила в душе... [69]

...Деятельности самой по себе никакой нет ни хорошей, ни дурной; есть только хорошие или дурные побуждения. [70]

Думаю, что мы будем судимы нашей совестью и Богом не за последствия наших поступков, которых мы не можем знать, но за наши намерения. [71]

– 3 –

...Изменение (...) безумных и безнравственных условий жизни не в моей власти, тогда как в полной моей власти только моя жизнь и моя деятельность, во всякую минуту настоящего, и (...) моя деятельность, направленная на самого себя, есть вместе с тем единственное средство воздействия моего на условия внешнего мира. Моя деятельность, направленная на самого себя, это тот рычаг, посредством которого только я могу содействовать превращению дурных условий в хорошие. Правда, перемены этой не только я в свои 82 года, но и молодой человек может не увидеть, но всякое внутреннее совершенствование каждой личности неизбежно вносит и зачатки изменения общего строя. [72]

Политического изменения социального строя не может быть. Изменение только одно нравственное, внутреннее человека. Но каким путём пойдёт это изменение? Никто не может знать для всех, для себя мы все знаем. И как раз все озабочены в нашем мире этим изменением для всех, а только не для себя. [73]

Изменять формы жизни, надеясь этим средством изменить свойства и мировоззрения людей, всё равно, что перекладывать на разные манеры сырые дрова в печи, рассчитывая на то, что есть такое расположение сырых дров, при котором они загорятся. [74]

Устройство внешних форм общественной жизни без внутреннего совершенствования – это всё равно, что перекладывать без извёстки, но на новый манер, разваливающееся зда-

ние из неотёсанных камней. Как ни клади, всё не будет защищено от непогоды и будет разваливаться. [75]

Сближение как между людьми, так и между народами достигается не выражениями желания сближения, а стремлением как каждого отдельного человека, так и всякого народа к познанию истины и исполнению её в жизни. Только при таком стремлении истинно и прочно сближаются люди, если бы даже никогда они и не думали о сближении. Истина неизбежно сближает их. Истина же добывается усилием мысли. [76]

...Единение возможно только в истине. Для того, чтобы найти единение с людьми, не нужно идти навстречу друг другу, навстречу людям, а нужно всем идти к богу, или истине. Там только единение, и не с тем, с кем я хочу или предполагаю, что у меня должно быть единение, а с тем, кто пришёл туда же, куда и я. [77]

Драгоценна не та община, которую мы образуем в Т(...) или С(...) из близких по времени и пространству людей, хотя и такая община может иметь своё место и значение, но драгоценна та община людей всех времён и народов, которые сходятся в единой истине, в которой я встретился с такими далёкими мне по месту и по времени людьми (...). Община, предстоящая теперь человечеству, составляется не из людей, которые соберутся вместе для того, чтобы осуществить известные экономические, выгодные для них самих, цели (...); а из тех людей, которые рассыпаны везде и навсегда отреклись от всяких мирских целей и посвятили свою жизнь одному служению богу. [78]

...Объединение может произойти только внутренним образом (...), и единственное средство, которое может произвести это объединение, это искреннее искание каждым человеком своего отношения к миру, к бесконечному, к богу. [79]

Хочешь соединиться с людьми – не соединишься; живёшь только для себя, для души, не думая о соединении, – и соединишься с китайцем, индусом, с человеком 25 столетия. [80]

...Только по мере глубины, до которой мы доходим в сознании себя, мы и сближаемся с другими. [81]

– 4 –

Главная ошибка борющихся с существующим злом та, что хотят бороться извне. Перестроится мир не извне, а изнутри. И потому вся энергия на внутреннюю работу. [82]

...Если хочешь бороться с каким-нибудь злом, то нужно бороться с его причиной. [83]

Направляйте свои усилия не на борьбу с определёнными врагами, а на общее совершенствование, и вы наверно победите всех врагов... [84]

Бороться надо с самим собою, покаясь свои пороки и грехи, и наверно поборешь не только себя. [85]

– 5 –

Нам всё дано, чтобы быть счастливыми. [86]

Просить Бога о том, чтобы кто-то дал нам благо в этой жизни – всё равно, что человеку, сидя над источником, просить источник о том, чтобы он избавил его от жажды. Полное благо дано нам. Надо только уметь пользоваться им. [87]

Люди молят Бога помочь им извне, а Он, всегда готовый помочь им, в них самих. Только бы они поверили в Него, в этого внутреннего Бога, и дали бы Ему возможность помочь им. А то они не дают Ему этой возможности: хотят, чтобы Он помог им, как они этого хотят, а не так, как Он этого хочет. Всё равно, как сумасшедший, который, желая выйти, захлопывает ту дверь, которую отворяют ему. [88]

Дайте величайшие блага, те самые, которых он желал бы, человеку, нарушающему закон своей жизни, закон бога, и он будет несчастным. Отнимите у человека, положившего своё благо в исполнении закона, всё то, что считается людьми благом, и он всё-таки будет счастлив. [89]

...Жизнь дана всем людям для блага, и если люди не испытывают этого блага, то виноваты только они сами. [90]

Живём мы только для того, чтобы пользоваться благом жизни. Весь смысл жизни, доступный нам, только в том, чтобы мы имели возможность участвовать в божеской жизни; и потому мы должны быть счастливы. Если мы несчастливы, то это значит только то, что мы делаем не то, что должно, или не делаем того, что должно. Так что не только благо есть последствие исполнения долга, но наш долг в том, чтобы мы испытывали благо. [91]

Мне кажется, что человек должен за первое правило себе поставить – быть счастливым и довольным. Надо стыдиться, как дурного поступка, своего недовольства и знать, что если у меня или во мне что-нибудь не ладится, то мне не рассказывать надо об этом другим и не жаловаться, а поскорее постараться поправить то, что не ладится. [92]

...Человек обязан быть счастлив, как обязан быть чистоплотен: как он замечает, что он грязен – ему надо помыться, как чувствует, что несчастен – ему надо почиститься нравственно... [93]

Будь кроток и смирен сердцем, будь доволен всем, согласен на всякое положение, и исполнишь волю Отца. Так что волю Отца чтоб исполнять, надо узнать не что делать, а надо узнать, как делать то, что приходится делать. [94]

Когда разумный человек завязнет в снегу, то он не обвиняет дорогу, а себя, стараясь выбраться на настоящую дорогу, с которой он сбился. То же и в жизни. Люди собьются с пути и, вместо того, чтобы искать свою ошибку, обвиняют и людей, и жизнь, и бога, только не одного виноватого во всём – себя. [95]

Если жизнь не представляется тебе великой, незаслуженной радостью, то это только потому, что разум твой ложно направлен. [96]

Мы не имеем никакого права быть недовольными этой жизнью. Если нам кажется, что мы недовольны ею, то это значит только то, что мы имеем основание быть недовольными собою. [97]

Добрым так же трудно предполагать зло в других, как злым предполагать доброе. [98]

Человек испортил себе желудок и жалуется на обед. То же и с людьми, недовольными жизнью. [99]

Человек сам делает зло, сам и страдает. Сам делает добро, сам и радуется. Сам своими усилиями делает себя чистым и нечистым, сам губит или спасает себя. Ошибается человек, надеющийся найти благо вне себя, как в этой жизни, так и в будущей. [100]

Чем больше будут верить люди в то, что они могут быть приведены чем-то внешним, действующим само собою, помимо их воли, к изменению и улучшению своей жизни, тем труднее совершится это изменение и улучшение. [101]

– 6 –

Из всякого трудного положения сейчас же выйдешь, если только ясно сознаешь то, что в тебе живёт Бог. [102]

...Благо наше зависит не от внешних условий, а от степени сознания и слияния своего я не с своим животным существом, а с своим общим всем людям духовным началом, которое мы называем богом... [103]

Только человеку, не признающему своей зависимости от высшей воли, может придти та удивительная мысль, что он знает лучше, чем тот вечный хозяин жизни, какою она должна быть и каким средством она должна быть исправлена. [104]

Я твёрдо верю, что если я посвящу все мои силы на исполнение воли Хозяина, так ясно выраженной в его словах и в моей совести, – хотя бы я и не вполне верно представлял себе цели и намерения Хозяина, которому я служу, – он меня не оставит и устроит всё к моему благу. [105]

...Исполнять волю Отца, выраженную в Евангелии. Не изменять рассудочно своего положения внешнего, а всеми силами разжигать в себе свет истинного разума и в свете этом действовать. [106]

...Всё больше и больше приучаюсь к тому, чтобы не предпочитать никаких одних внешних условий другим и не заботиться о них, а заботиться о том, чтобы в данных условиях соблюсти данную мне божественную искру и исполнить всю волю Отца. (...) ...Знаю, что в этом одном и успокоение, и разрешение всех и отвлечённых, и самых практических задач... [107]

...Жизнь не может быть ни хороша, ни дурна от внешних условий. Всё в тебе. Живёшь с богом и в боге, и всё и везде хорошо. Живёшь без бога, и всё и везде дурно. [108]

Человек запутался так, что что ни сделай, всё дурно, как перекрёсток дорог сказочного богатыря. Кажется, что выхода нет, и куда ни пойдешь – всё будет худо. И вот, если только найдёт на него внутреннее просветление, и он поймёт, что ему выбирать ничего не нужно,

а нужно только сознать в себе Бога и отдаться Ему, т. е. отдаться любви. И тогда не нужно ничего выбирать. Иди по какой хочешь дороге – на всех благо. [109]

...Дело божие, служение ему не может и не должно опираться ни на что, а всё остальное должно опираться на сознание необходимости и радости этого служения. [110]

Если человек знает, что он такое, знает, что в нём есть божественное начало, какая ему ещё нужна поддержка? То, что он может получить от других, относится к тому, что он имеет в себе, как одна миллионная, как одна стомиллионная. [111]

Боже мой, как я один, один, хотелось сказать, но вспомнил, что Ты со мною, и стыдно стало. Только тогда и хорошо, когда один с Тобою. [112]

...Уединение та же молитва. [113]

Только когда один, в тишине, т. е. в общении с тем Богом, который в тебе, поднимаешься на ту высоту, на которой был и можешь быть. С людьми сейчас спускаешься. (...) ... Как только я не один, я только 1/100 себя. [114]

Не тяготитесь (...) одиночеством. Чем одиночнее от людей, тем ближе общение с богом. Ищите этого общения в своей душе, в глубине её. Через её божественную сущность общаемся мы и с богом, и друг с другом. [115]

...Одиночества нет для истинного нашего я. [116]

Дай вам бог наитеснейшего общения с собой. [117]

Одиноким (...) никто из нас быть не может, потому что каждый из нас может перенести свою жизнь в бога и в боге найти общение со всем миром. [118]

Паскаль говорит: *il faudra mourir seul* (умирать надо одному (*фр.*)), а и жить надо *seul* – с Богом. Это единственная дорога, на которой мы все сходимся и сходились на том лучшем, что есть в нас. Это лучшая единственная радость. [119]

Как трудно установить все свои отношения к условиям жизни, к предметам, животным, в особенности к людям. Установишь к одним – расстроишь с другими. Как невозможно описать правильный круг по окружностям, а нужно описать его из центра, так и с установлением отношений к миру. Найди центр и установи отношение каждой части окружности к центру – и будут правильны отношения всех частей окружности между собою. Так и установи отношение к Богу – и установятся все отношения к миру, главное, к людям. [120]

В духовной жизни человека есть нейтральная точка, став на которую, он сразу увидит всю правду и ложь жизни. Это всё равно, как в шаре есть центр. Если вы хотите видеть всю комнату хорошо, то должны стать посередине, а не смотреть на неё из-под дивана, стоящего у стены. [121]

...Жизнь, та, которую мы видим вокруг себя, есть движение вещества по определённым известным законам; в себе же мы чувствуем присутствие совершенно другого, не имеющего ничего общего с теми, закона, требующего от нас исполнения своих требований.

Можно сказать, что мы видим, познаём все другие законы только потому, что в нас есть этот закон. Если бы мы не сознавали этого закона, мы не познавали бы и тех. Закон этот отличается от всех остальных, главное, тем, что те законы вне нас и принуждают нас к своему повиновению; этот же закон в нас самих, больше чем в нас — он есть сами мы, и потому он не принуждает нас, а, напротив, освобождает нас, когда мы следуем ему, потому что, следуя ему, мы становимся сами собою. И потому нас влечёт к тому, чтобы исполнить этот закон, и мы неизбежно рано или поздно исполним его. В этом и состоит свобода воли. Свобода эта состоит в том, чтобы признать то, что есть, а именно то, что этот внутренний закон есть мы сами. Внутренний закон этот есть то, что мы называем разум, совесть, любовь, добро, Бог. [122]

...Все эти внешние условия — такое ничтожество в сравнении с сознанием своего единства со Всем... [123]

— 7 —

В важных вопросах жизни мы всегда одни, и наша настоящая история почти никогда не может быть понята другими. Сущность истории нашей жизни есть наше отношение к духу, живущему в нас, наше большее или меньшее сознание его и следование его велениям. [124]

Я рад видеть новых служителей доброго дела. Но если бы я был совершенно одинок в течение всей моей жизни, это не могло бы влиять на мои убеждения, потому что я не могу ни жить, ни думать иначе, чем так, как я живу и думаю. [125]

Как совершается (...) возрождение, воскресение людей к жизни истинной, это тайна, совершающаяся на наших глазах, но постигнуть её процесс невозможно. Это тайна Бога — это Его отношение с каждым человеком. Мешаться в это — нельзя, грех. Привлечь, обратиться другого никто никогда не может, и желание привлечь, обратиться другого, именно определённого человека или людей, есть причина страшных зол. Но светить тем светом, который есть в нас, перед людьми (всеми людьми) есть святое дело жизни. [126]

Уговаривать нельзя, можно только помогать вступить во всемирную духовную жизнь: соединиться с Богом. [127]

Воздействие в области духовной состоит в воссоединении себя со Всем. Чтобы воздействовать на другого, надо только помогать ему выйти из своего одиночества и соединиться со всем духовным миром прошедшим, настоящим и будущим. [128]

Человек не может быть выше своего миропонимания. Не судить его нужно, а стараться освободить его духовное «я» от телесных уз. И в этом бесконечном освобождении духовного «я» и есть смысл жизни. Оно и есть жизнь. [129]

Можно только радоваться тому, что (...) средства заставить других жить так, как я считаю хорошим, не существует. Каково бы было положение людей, если бы всякий мог так воздействовать на других. [130]

...Я считаю сознательную проповедь всегда слабой, неполною, часто и ложной, бессознательная же проповедь, вытекающая из всей жизни, всегда истинна и действует всегда более могущественно. [131]

...Главное дело нашей жизни не состоит в распространении того, что мы считаем истинной, а в усвоении этой истины с такой полнотой, чтобы мы слились с нею. А когда это будет, то распространение её совершится, хотя, может быть, и не теми путями, которые мы предполагаем. [132]

Ни один человек в мире не призван к тому, чтобы исправлять других людей, и никто не может этого сделать. Всякий человек призван только к тому, чтобы исправлять, улучшать самого себя, и всякий человек и должен, и может это делать. [133]

...Не только нет никакой возможности просвещать и исправлять других, не просветив и не исправив себя до последних пределов своей возможности, но нельзя и просвещать и исправлять себя в одиночку, а всякое истинное просвещение и исправление себя неизбежно просвещает и исправляет других, и только одно это средство действительно просвещает и исправляет других, вроде того, как загоревшийся огонь не может светить и согревать только тот предмет, который сгорает в нём, но неизбежно светит и греет вокруг себя, и светит и греет вокруг себя только тогда, когда сам горит. [134]

Свеча невольно освещает; так и человек, делаясь лучше, невольно освещает вокруг себя. Это богом так устроено, что человек в той мере действует на других, в какой работает над собой. [135]

Всю силу своего стремления надо обратить внутрь себя: стараться быть совершенным, как отец наш небесный, и тогда только сила эта несомненно проявится вовне. Разжигать костёр своей души, чтобы он горел весь, а кто и как будет и будет ли кто греться около него, это уж не наше дело. [136]

...Думаю, что для того, чтобы мне содействовать согреванию всей массы или части её, нет и не может быть другого средства, как развитие наибольшего тепла в себе, и что всякое усилие моё, употребляемое на что-нибудь другое, есть напрасная трата энергии. [137]

...Внутренняя работа каждого человека над собой (...) есть вместе и самое могущественное и единственное средство служения людям, содействия общему благу. Как, какими путями, когда и в какой форме достигается это благо, не дано знать человеку, но то, что такая деятельность не есть только дело личное, а дело общее, это знает человек, начавший такую деятельность, как он знает то, что живёт. [138]

...Не думайте о пользе другим, думайте только о душе. Кажется противоречием христианину думать только о своей душе, но это не противоречие, потому что та душа, ради которой надо всем жертвовать, живёт в боге, а не для себя, и не по своей воле, а по его воле, и не мы сами, а он распоряжается той пользой, какую принесёт наша жизнь другим. [139]

Влияние, которое мы можем оказывать на других, должно быть лишь непрерывным следствием (...) стремления к совершенству, но не должно быть нашей целью. [140]

Истинное благо всегда в наших руках. Оно, как тень, следует за доброй жизнью. [141]

Любовь. Радость

– 1 –

...Я нашёл простую, старую вещь, но которую я знаю так, как никто не знает, я нашёл, что есть бессмертие, что есть любовь и что жить надо для другого, для того, чтобы быть счастливым вечно. [1]

Какая ни с чем не сравнимая, удивительная радость – и я испытываю её – *любить* всех, всё, чувствовать в себе эту любовь, или, вернее, чувствовать себя этой любовью. Как уничтожается всё, что мы по извращённости своей считаем злом, как все, все – становятся близки, свои... Да не надо писать, только испортишь чувство.

Да, великая радость. И тот, кто испытал её, не сравнит её ни с какой другой, не захочет никакой другой и не пожалеет ничего, сделает всё, что может, чтобы получить её. А для того, чтобы получить её, нужно одно небольшое, но трудное в нашем извращённом мире, – одно: отучить себя от ненависти, презрения, неуважения, равнодушия ко всякому человеку. А это можно. Я сделал в этом отношении так мало, а уже как будто вперёд получил незаслуженную награду. [2]

Кто из живых людей не знает того блаженного чувства, хоть раз испытанного, и чаще всего в самом раннем детстве, при котором хочется любить всех: и близких, и отца, и мать, и братьев, и злых людей, и врагов, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного, чтобы всем было хорошо, чтобы все были счастливы, и ещё более хочется того, чтобы самому сделать так, чтобы всем было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда всем было хорошо и радостно. Это-то и есть и это одно есть та любовь, в которой жизнь человека. [3]

...Не открылось новое счастье, неотъемлемое от человека (...). Счастье, находящееся вне материальных сил, вне материальных внешних влияний на человека, счастье одной души, счастье любви! Понять его может всякий человек... (...)

Да, любовь (...), но не та любовь, которая любит за что-нибудь, для чего-нибудь или почему-нибудь, но та любовь, (...) которая есть самая сущность души и для которой не нужно предмета. (...) Любить ближних, любить врагов своих. Всё любить – любить Бога во всех проявлениях. Любить человека дорогого можно человеческой любовью; но только врага можно любить любовью божеской. (...) Любя человеческой любовью, можно от любви перейти к ненависти; но божеская любовь не может измениться. Ничто, ни смерть, ничто не может разрушить её. Она есть сущность души. [4]

Как ужасно тяжело жить без любви, и ещё тяжелее умирать. (...)...Когда я представил себе, что умру не в любви, то страшно стало. А в любви только можно жить счастливо и не видеть, как умрёшь. [5]

Жизнь не может иметь другой цели, как благо, как радость. Только эта цель – радость – вполне достойна жизни. Отречение, крест, отдать жизнь, всё это для радости. И радость есть и может быть ничем ненарушимая и постоянная. И смерть переходит к новой, неизведанной, совсем новой, другой, большей радости. И есть источники радости, никогда не иссякающие:

красота природы, животных, людей, никогда не отсутствующая. В тюрьме – красота луча, мухи, звуков. И главный источник: любовь – моя к людям и людей ко мне. [6]

Любить бога можно только тогда, когда ценишь ту жизнь, которая, исходя из него, дана нам, когда видишь не перестающее благо в этой жизни и такое же благо в переходе в другую жизнь. Так что радость жизни есть необходимое условие любви к богу. Если видишь только зло, как некоторые, то не можешь не ненавидеть виновника этой жизни; если видишь хоть не сплошное зло, но хотя частое проявление зла, то тоже нельзя любить виновника зла. Только когда всё – не перестающее добро, не только можно, но нельзя не любить бога, начало моей жизни и всего существующего. И это можно. И это великое счастье, которое брезжится мне. [7]

Радоваться! Радоваться! Дело жизни, назначение её – радость. Радуйся на небо, на солнце, на звёзды, на траву, на деревья, на животных, на людей. И блюди за тем, чтобы радость эта ничем не нарушалась. Нарушается эта радость, значит, ты ошибся где-нибудь – ищи эту ошибку и исправляй. (...) Будьте как дети – радуйтесь всегда. [8]

Мудрый человек всегда счастлив. [9]

...Мне так хорошо, так хорошо, что не знаю, за что мне так много радости, и иногда сижу один и умиляюсь до слёз (...). Так жалко людей, которые не берут этого счастья. [10]

..Хочется молиться. (...) И всё, что я ни думаю, всё не то, всё не нужно, и сознаю, что просить не о чем, что всё, чего я могу просить, всё дано мне, всё есть у меня. Могу одно: благодарить. [11]

...Вся моя молитва, если бы молился к богу, не может быть ничем иным, как благодарностью за то огромное счастье, какое я не предполагал, что возможно иметь человеку. Вы спросите, какое же это счастье и в чём оно состоит? Состоит оно в том, что то, чего одного я желаю более всего на свете, постоянно и неуклонно совершается, а именно то, чтобы всё больше и больше освобождаться от телесных желаний и чувствовать в себе ту основу жизни, которая вложена во всех людей и которая есть не что иное, как любовь, любовь ко Всему. [12]

При вере в любовь просить не о чем. Надо только делать. [13]

Испытываю странное чувство недоумения перед тем сознанием огромного незаслуженного счастья, которое заливает меня. [14]

Жизнь должна и может быть непрерывающей радостью. [15]

– 2 –

...Во всём есть предел и есть зависть к больше успевшим – во всём, кроме любви. [16]

Как вся вода вытечет из ведра, если в нём будет хоть одна дырочка, так и все радости жизни (любви) не удержатся в душе человека, если в нём будет нелюбовь хоть к одному человеку. [17]

Я думаю, что если есть один человек, которого не любишь, то всё равно, что весь мир ненавидишь: в душе ад. [18]

Нелюбовь особенно заметна, дурная, ядовитая нелюбовь, по особенной проницательности, с которой мы видим недостатки других. Избави Бог от этого ясновидения. Такое же ясновидение обратных свойств даёт любовь. [19]

Мы не любим людей не потому, что они злы, а мы считаем их злыми потому, что не любим их. [20]

...Он не дожидался, как прежде, личных причин, которые он называл достоинствами людей, для того, чтобы любить их, а любовь переполняла его сердце, и он, беспричинно любя людей, находил несомненные причины, за которые стоит любить их. [21]

Можно любить всякого человека. Только чтобы любить так человека, надо любить его не за что-нибудь, а ни за что. Только начни любить так, и найдёшь, за что. [22]

...Лучше 100 раз ошибиться, считая дурного за хорошего, чем один раз разлюбить одного. [23]

Ты говоришь: как заставить себя любить всех? Уничтожь в себе себялюбие. [24]

Любовь к себе – своему телесному я и ненависть к людям и ко всему – одно и то же. [25]

Я когда-то хотел написать такую басню, миф, что люди на салазках скатываются в пропасть, где они должны разбиться вдребезги, так что ничего от них не останется, и они дорогой, сидя на этих самых салазках, спорят и ссорятся о том, что один другому не даёт усесться попокойнее или пачкает его одежду. Единственное дело, которое стоит делать нам всем на этих салазках, это то, чтобы вызвать радостную любовную улыбку друг у друга – вызвать любовь, то одно, что не разобьётся в пропасти, а останется. [26]

Как в отношениях с людьми надо стараться замечать и видеть только хорошее, сближающее, так и в наших душевных настроениях надо останавливаться на наших добрых к людям, сближающих с ними чувствах и пользоваться ими, а перескакивать, не раздувая их, наши недобрые чувства. [27]

Для того, чтобы быть твёрдым и не унывать, нужно, главное, ясно понимать и не забывать единственный разумный и радостный смысл нашей жизни, состоящий в том, чтобы не только провести через всю жизнь, не потушив её, ту искру божественной любви, которая вложена в нас и составляет нашу душу, но разжечь её, сколько хватит наших сил, чтобы внести её в ту жизнь уже не искрой, а пламенем. [28]

...Любовь не есть предписание, но внутренний закон человеческой жизни и (...) единственный способ для человека достигнуть счастья, к которому он естественно стремится. [29]

Любовь есть сила жизни. Любовь есть правило для исполнения всех правил. [30]

Птице, чтобы жить по своему закону, надо летать, змею ползать, рыбе плавать, а человеку любить. И потому, если человек вместо того, чтобы любить людей, делает зло людям, он поступает так же странно, как если бы птица стала плавать, а рыба летать. [31]

...Для того, чтобы жить, надо непременно идти вперёд в таком деле, которому нет конца и в совершении которого нет помехи. И такое дело есть только одно: совершенство в любви. (...)

...Единственная цель бесконечная, радостная, всегда достижимая и достойная сил, данных нам, это увеличение любви. Увеличение же любви достигается одним определённым усилием: очищением своей души от всего личного, похотливого, враждебного. «Душа человека христианка» (слова римского богослова Тертуллиана (155/165–220/240)), т. е. ей не только свойственно, но сущность её есть любовь, и потому, чтобы усилить, увеличить любовь, надо только очищать, шлифовать её, как стекло, собирающее лучи. Насколько будет шлифованнее и чище, настолько будет сильнее пропускать и изливать свет и тепло любви. И этому делу нет конца, нет препятствий, нет пределов радости... [32]

Истина, что сущность всего существующего не может ощущаться и пониматься нами иначе, чем любовь, и что душа человеческая есть эманация этой сущности, развитием которой является то, что мы называем человеческой жизнью, – истина эта более или менее сознательно воспринята всеми людьми и поэтому доступна как наиболее научно развитым умам, так и самым примитивным. Эта истина есть основа (...) всех религий. [33]

Человеку свойственно не ненавидеть, а любить. Сила жизни в человеке есть сила любви. Сила эта может быть загромождена всякого рода ошибками, соблазнами, суевериями. Когда она загромождена таким образом, то она проявляется ненавистью. [34]

Жестокость не свойственна человеку и объясняется только узостью цели, сосредоточенностью усилий жизни на цели. Чем уже эта цель, тем возможнее жестокость. Любовь целью ставит благо других и потому, исключая цель, несовместима с жестокостью. [35]

...Всякая жизнь есть не что иное, как всё большее и большее расширение сознания и всё большее и большее увеличение любви. [36]

Сила Божия, движущая жизнь, есть любовь. Не освещённая разумом, эта сила есть любовь к себе, освещённая, направленная разумом, она есть любовь к существам, к людям, к истине, добру, к Богу.

(...) Разум освобождает любовь. [37]

Не думай никогда, что ты не любишь или что тебя не любят. Это только нарушена чем-то всегда существовавшая и существующая любовь между тобой и людьми, и тебе надо только постараться устранить то, что нарушает эту вечно связывающую между собой людей любовь – которая всегда есть. [38]

Добродетель человеколюбия недалеко от нас, стоит только перестать искать для себя радостей мира, и она сама придёт к тебе. Душа наша есть любовь: только успокой страсти, затемняющие душу, и в душе твоей будет одна любовь к людям. [39]

Ошибаются, думая, что можно заставить себя любить. Можно и нужно только удержаться от того, что мешает любить: побороть грех, понять соблазны, распутать суеверия, и любовь, любовь ко всем, сознание не одной своей, а всей жизни, будет. [40]

Любовь нечего вызывать; только устрани то, что мешает проявлению её, т. е. себя, истинного себя. [41]

Да, надо учиться любить, как учатся играть на скрипке. [42]

– 3 –

Любовь не есть основное начало нашей жизни. Любовь – следствие, а не причина. Причина любви – сознание в себе божеского духовного начала. Это сознание требует любви, производит любовь. [43]

Я радовался тому, что чувствовал необходимость любовного общения со всеми, а теперь понял, что нужно чувствовать постоянно любовное общение не с людьми, но с Богом. Второе включает первое. [44]

Любовь только тогда даёт радость, когда она полная, божеская, т. е. любишь всех, т. е. любишь Бога, и когда не ждёшь за неё никакой награды ни от Бога, ни от людей, когда никто не знает про неё. Как только есть хоть один человек, которого не любишь, или есть забота о том, чтобы тебя похвалили, чтоб тебе полезна была твоя любовь, так нет блага от любви. [45]

Всё, всех любить, всегда жертвовать собой для любви значило никого не любить, значило не жить этою земною жизнью. И чем больше он проникался этим началом любви, тем больше он отрекался от жизни и тем совершеннее уничтожал ту страшную преграду, которая, когда у нас нет любви, стоит между жизнью и смертью. [46]

...Любовь. Любовь не к жене, ребёнку, отечеству и т. п., а любовь к богу (бог есть любовь), любовь любви – то самое чувство доброты, умиления, радость жизни, которая и есть свойственная человеку блаженная, истинная жизнь, не знающая смерти. [47]

...Что вы делаете? На что кладёте свои душевные силы? Кого любите? Кто вас любит? Ваша жена? Ваш ребёнок? Но ведь это не любовь. Любовь жены, детей – это не человеческая любовь. Так, и сильнее, любят животные. Человеческая любовь – это любовь человека к человеку, ко всякому человеку как к сыну божью и потому брату. [48]

Любовь к ближнему без любви к Богу – всё равно, что растение без корней. [49]

Любовь не есть какое-либо особое чувство (как её понимают обыкновенно). Любовь есть только следствие более или менее ясного сознания своей причастности Всему. Пальцы руки не любят друг друга, а живут общей жизнью. Они не поняли бы, что такое любовь. [50]

Основание любви есть сознание каждым человеком единства духовного начала, живущего во всех людях. [51]

Со мной бывает, что когда я люблю кого-нибудь (...), я не то что вижу, а чувствую его улыбку и чувствую себя им. Это особенно часто бывает, когда жалеешь. Это подтверждает то, что Бог один в нас во всех, и он есть любовь. [52]

Если любишь человека, только человека, а не любишь в нём того духа, который в тебе, то часто перестаёшь любить и даже вместо любви презираешь и даже ненавидишь того, кого любил прежде. [53]

Любить в людях надо не Ивана, не Петра, не Марью, а ближнего, его душу. А всякая душа – душа Божья. Только такая любовь даёт радость. [54]

Любить дурного человека кажется невозможным. Оно и точно невозможно. Но любить надо и можно не человека, а подавленного, заглушённого Бога в человеке, и любить этого Бога, и стараться помочь ему высвободиться. [55]

С грехом ссорься, с грешником мирись. Ненавидь дурное в человеке, а человека люби. [56]

Любовь, – не любовь к одному исключительному лицу, а душевное состояние готовности любви ко всему, – есть то состояние, в котором одним мы сознаём истинное духовное начало нашей души. [57]

Как растению нельзя жить без света и как ничем не закрытое растение не спрашивает, в какую сторону ему расти и хорош ли свет, не подождать ли ему другого, лучшего, и берёт тот единственный свет, солнце, который есть в мире, и тянется к нему, – так и отрёкшийся от блага личности человек не рассуждает о том, кого ему любить, тех ли, кого он любит сейчас, или нет ли ещё какой лучшей любви, чем та, которая возможна сейчас, а отдаётся той любви, которая доступна ему сейчас и по отношению к какому бы то ни было существу, с которым он входит в общение. [58]

Доброе людям? Что доброе? Одно: любовь. Я это по себе знаю и потому одного этого желаю людям, для одного этого работаю. Не нащупывая, а смело жить этим значит то, чтобы забыть то, что ты русский, что ты барин, что ты мужик, что ты женат, отец и т. п., а помнить одно: вот пред тобой живой человек, пока ты жив, ты можешь сделать то, что даст тебе и ему благо и исполнит волю Бога, того, кто послал тебя в мир, можешь связать себя с ним любовью. [59]

Да, любовь есть Бог. Полюби, полюби того, кто делал тебе больно, кого ты осуждал, не любил, и всё то, что скрывало от тебя его душу, исчезнет, и ты, как сквозь светлую воду на дне, увидишь божественную сущность его любви, и тебе не нужно и нельзя будет прощать его, тебе нужно будет прощать только себя за то, что ты не любил Бога в том, в ком Он был, и из-за своей нелюбви не видал Его. [60]

Помни, что в каждом человеке живёт дух божий – тот же, который даёт тебе жизнь, и потому не только люби, но чтить, как святыню, душу каждого человека. [61]

...При встрече, при общении с человеком помнить, что я имею дело с проявлением Бога, т. е. при всяком общении с человеком быть в торжественно-набожном, молитвенном настроении. Молитва – это молитва, вызывание в себе высшего духовного состояния, памя-

тование о своей духовности. Общение с человеком – это таинство общения с Богом, причащение. [62]

Хорошо молиться в уединении, но, кроме этой молитвы, едва ли не ещё нужнее этой молитвы – молиться при вступлении в общение с каждым человеком: царём или нищим. Молиться, т. е. напоминать себе о том, что наступил важный момент, в котором надо жить всеми силами души. [63]

...Надо приучить себя: входить в молитвенное состояние при начале общения со всяким человеком; сказать себе: *смирно!* как только сошёлся с человеком. [64]

Есть верующие люди, которые имеют обычай кланяться в ноги перед каждым человеком, с которым они входят в сношение. Они говорят, что делают это потому, что в каждом человеке живёт дух божий. Как ни странен этот обычай, основание его глубоко истинно. [65]

...Присутствие всякого человека есть призыв к высшей осторожной и важной деятельности. [66]

Любовь настоящая есть только любовь к ближнему, ровная, одинаковая для всех. Одинаково нужно заставить себя любить тех, которых мало любишь или ненавидишь, и перестать слишком любить тех, которых слишком любишь. Одно не дошло, другое перешло линию. От того и другого все страдания мира. [67]

Если любишь человека, не любя в нём бога, т. е. добро, то такую любовью готовишь себе разочарование и страдания. [68]

Любовь выводит человека из себя, из своей личности, и потому, если личность страдает, любовь избавляет от страданий. [69]

Мучительность страдания – это только та боль, которую испытывают люди при попытках разрывания цепи любви, которая соединяет жизнь человеческую с жизнью мира. [70]

Без любви человек в мире заброшен один среди чужих и врагов. Любовь соединяет его со всеми существами мира настоящего, прошедшего и будущего, соединяет его с Богом. [71]

Когда я не сознаю себя, я живу животной жизнью; когда сознаю себя и делаю то, что решил в душе – живу человеческой жизнью; когда же сознаю жизнь других существ, любя их, живу божеской жизнью. [72]

Сознание своего отдельного существа есть жизнь человека. Сознание Всего – есть жизнь Бога. [73]

Как редко встречаешь истинную любовь – любовь любви, любовь не только ко всем людям, но ко всему. [74]

Не любишь себя – пропал. Любишь себя одного – тоже пропал. Спасенье только, когда любишь себя и всё, т. е. Бога. Когда же любишь так, то Бог становится и тем, что любит, и то, что любишь.

(...) Хорошо только тогда, когда любишь себя, свою душу, “sein schönes Herz” (*своё прекрасное сердце (нем.)*), как в детстве. [75]

Для того, чтобы любить всех во всём, надо быть Богом, и это можно. Для того, чтобы быть им, надо помнить, что надо всех и всё, во всём, всегда любить. [76]

Знаю Бога потому, что знаю в себе любовь к людям и всему живому. Знаю, что живу, только потому, что люблю и себя, и всё живое. [77]

Бог не есть любовь. Любовь есть только одно из проявлений Бога, но человек есть любовь. [78]

«Пребывающий в любви пребывает в божестве и бог в нём. Бога никто не видел нигде, но если мы любим друг друга, то он пребывает в нас». Любовь есть та самая живая форма, в которой мы можем постигнуть бога, или, другими словами, в которой мы поднимаемся на высшую доступную человеку степень сознания. И потому, понимая так жизнь и себя, мы не можем расходиться (...) ни с каким человеком в мире. [79]

Любовь есть стремление вынести своё духовное я из своих пределов, сделать своим я жизнь других существ. И в этом вся основа нравственности.

(...) Любовь есть стремление захватить в себя Всё, сделать своё сознание сознанием Всего. [80]

Есть, было и всегда будет для человека только одно дело, на которое стоит положить всю жизнь. Дело это есть любовное общение с людьми и разрушение тех преград, которые воздвигли люди между собой. [81]

Нет иной любви, как такой, которая отдаёт душу свою за други своя. Любовь – только тогда любовь, когда она есть жертва собою. Только тогда, когда человек забывает себя и живёт жизнью того, кого любит, только такая любовь есть истинная, и только в такой любви мы находим благо, награду любви. И только тем, что есть такая любовь в людях, только тем и стоит мир. [82]

Мы все должны помнить, что мы посланники великого царя – бога любви, с вестью единения и любви между всем живущим. [83]

– 4 –

...Любовь есть такое огромное в сравнении с обычными рассудочными делами действие, что последствия никогда не видны тому, кто его производит. Любовь не победит тех двух-трёх злодеев, которых мы знаем, но победит тысячи, которых мы не знаем. Всё равно, как телеграфист, который бы не передавал депешу, потому что он не видит, как она выходит на той станции. Любовь действует почти всегда – всегда даже – с креста; так что тому, кто закрывает глаза уже и которого жизнь вся мгновение, очевидно, нельзя видеть действия силы вечной. Верить в любовь, истинно верить так, чтобы не изменять ей, значит верить в вечную жизнь. [84]

Мечешься, бьёшься, всё оттого, что хочешь плыть по своему направлению. А рядом, не переставая, и от всякого близко течёт бесконечный поток любви, всё в одном и том же вечном направлении.

Когда измучаешься хорошенько в попытках сделать что-то для себя, спасти, обеспечить себя, устраивать, оставь свои направления, бросься в этот поток, и он понесёт тебя, и ты сольёшься со всем и почувствуешь, что ты спокоен и свободен. [85]

Всё прекрасно, всё хорошо, если мы станем туда, где ничто не достаёт и всё хорошо. А стать туда мы всегда можем. [86]

Какое спокойствие и бесстрашие, если желать только одного: исполнить волю Бога, дело Божие сейчас: любить людей и об одном этом думать! [87]

Смотри с любовью на мир и людей, и он так же будет смотреть на тебя. [88]

Вот кто настоящая волшебница – это любовь. Стоит полюбить, и то, что полюбил, становится прекрасным. [89]

Доброта украшает жизнь, разрешает все противоречия, запутанное делает ясным, трудное делает лёгким, мрачное делает радостным. [90]

...То самое, что было источником его страданий, стало источником его духовной радости, то, что казалось неразрешимым, когда он осуждал, упрекал и ненавидел, стало просто и ясно, когда он прощал и любил. [91]

Хочется помощи от бога, а помощь в тебе. Только люби всех, люби и в делах, и в словах, и в мыслях, и будет та помощь, какую ищешь. [92]

Если я в любви, то бог во мне, и я в боге. А если бог во мне и я в боге, то всё хорошо, и не может со мною быть ничего худого. Так буду же всегда в любви со всеми и в делах, и в словах, и пуще всего в мыслях. [93]

Чувство, разрешающее все противоречия жизни человеческой и дающее наибольшее благо человеку, знают все люди. Чувство это – любовь. [94]]

Любовь уничтожает смерть и превращает её в пустой призрак; она обращает жизнь из бессмыслицы в нечто осмысленное, из несчастья делает счастье. [95]

Отлично можно жить на свете, коли уметь трудиться и любить, трудиться для того, что любишь, и любить то, над чем трудишься. [96]

...Радость, спокойствие, блаженство состояния любви ко всему. Только в таком состоянии всё хорошо и в жизни, и в смерти. [97]

Да, только одна любовь развязывает все узлы. [98]

Всё невозможно, кроме любви. [99]

...Бог есть любовь, и потому любовь победит всё... [100]

Единство

– 1 –

Всё живо, и во всём живёт одно... [1]

...Всё в мире живое, (...) мёртвого нет, (...) все предметы, которые мы считаем мёртвыми, неорганическими, суть только части огромного органического тела, которое мы не можем обнять, и (...) поэтому задача человека, как частицы большого организма, состоит в поддержании жизни этого организма и всех живых частей его. [2]

Умиление и восторг, которые мы испытываем от созерцания природы, это – воспоминание о том времени, когда мы были животными, деревьями, цветами, землёй. Точнее: это – сознание единства со всем, скрываемое от нас временем. [3]

...Все существа – отдельные проявления сознания... (...) И земля и материальный мир, должно быть, имеют сознание, только оно нашему пониманию недоступно... [4]

Естественники, физиологи рассуждают о том, как получают человеком впечатления от внешнего мира, и исследуют глаз, волны света, источник колебания волн эфира и воздуха для слуха и нервов, для осязания и т. п., а дело всё в том, что человек и всякое живое существо неразрывно связано – есть одно со всеми существами мира и знает их так же, как себя, только несколько отдалённое. И когда получает впечатления, познаёт их, только вспоминает то, что знает. [5]

Мы внешне отделены и внутренне связаны со всеми живыми существами.

Некоторые из колебаний духовного мира мы чувствуем, некоторые ещё не дошли до нас, но они идут, как идут колебания света от звёзд, ещё невидимых для нашего глаза. [6]

Бог живёт во всём, и всё живёт в Нём. Тот, кто понимает это, не может относиться с презрением ни к какому существу. [7]

Беда, если человек скажет про другого: «Это дрянной, пропащий человек» и перестанет видеть в нём брата. Такой человек отрежет себя не от одного этого человека, но от всех людей. [8]

Ужасно одиноко положение того, кто не чувствует своего единения со всеми отдельными существами. Когда подумаешь о всех людях, существах, живущих отдельно, – ужас берёт. [9]

Часто люди (...) тяжело тоскуют о том, что они одиноки, что никто не любит их. (...) Чувство это есть только смутное ощущение неестественности своего разъединения, своей отдалённости. Сознай своё духовное единство со всеми, и чувство тоски перейдёт в чувство радости. [10]

Мне тяжело или скучно, одиноко. Да кто же тебе велел уйти от духовного единения со всеми людьми и запереть себя в тюрьму твоей одной личности? [11]

Человек чувствует себя в несвойственном и тяжёлом для него состоянии, когда не только не сознаёт, но не чувствует своего духовного единства со всеми людьми мира. Естественное и свойственное человеку состояние то, когда, сознавая себя единым со всеми, радуется радости и печалится горестью всякого сближающегося с ним человека. [12]

...Когда живу для себя, страдаю. Когда есть сознание, что живу для целого, тогда я легко переношу страдания. [13]

...Разум отдельного человека есть часть всего существующего, а часть не может построить порядок целого. Целое же может убить часть. – Для этого образуй твой разум так, чтобы он был сообразен с целым, с источником всего, а не с частью... [14]

...Дело жизни есть единение со всем живым...

...Мы живы только в той мере, в которой сознаём себя частью всего бесконечного, закон же бесконечного есть это единение. [15]

...Закон жизни есть уяснение, расширение, просветление сознания того вечного начала, которое есть в каждом существе. [16]

Что Отец делает, то и Сын делает. Всё дело, совершаемое в мире, есть свободное соединение разрозненного; это же должен делать и сын (я), приводя любовью в соединение и согласие разрозненное и несогласное. [17]

Жизнь поддерживается не страстью разрушения, а чувством взаимности, которое на языке нашего сердца называется любовью.

Насколько я могу видеть развитие жизни мира, я вижу в нём проявление только этого закона взаимной помощи. Вся история есть не что иное, как всё более и более ясное обнаружение этого единственного закона взаимного согласия всех существ. [18]

Один, только один есть у нас непогрешимый руководитель, всемирный дух, проникающий нас всех вместе и каждого как единицу, влагающий в каждого стремление к тому, что должно; тот самый дух, который в дереве велит ему расти к солнцу, в растении велит ему возрастить и бросить семя и в нас велит нам стремиться к богу и в этом стремлении всё более и более соединяться друг с другом. [19]

Жизнь есть стремление к соединению с Началом всего... [20]

Братство естественно, свойственно людям. [21]

– 2 –

...Иду по деревне и смотрю – копают разные мужики. Каждый для себя картофельную яму, и каждый для себя кроет, и многое другое подобное. Сколько лишней работы! Что, если бы всё это делать вместе и делить. Казалось бы, не трудно: пчёлы и муравьи, бобры делают же это. А очень трудно. Очень далеко до этого человеку, именно потому, что он разумное,

сознательное существо. Человеку приходится делать сознательно то, что животные делают бессознательно. [22]

Надо, чтобы люди свободно работали сообща, выучились работать друг для друга, а капитализм не научает их этому. Напротив, научает их зависти, жадности – эгоизму. И потому из насильственного сообщения через капитализм может улучшиться материальное положение рабочих, но никак не может установиться их довольство. Довольство может установиться только через свободное сообщение рабочих. А для этого нужно учиться общаться, нравственно совершенствоваться – охотно служить другим, не обижаясь на то, что не встречаешь возмездия. А учиться этому можно никак не при капиталистическом соревновательном устройстве, а при совершенно другом. [23]

Достижение (...) кооперации, коммунизма, общественности, вместо индивидуализма, получится (...) только от следования каждым из людей незатемнённом побуждении сердца, совести, разума, веры, как хотите назовите, закона жизни. Пчёлы и муравьи живут общественно не потому, что они знают то устройство, которое для них самое выгодное, и следуют ему – они понятия не имеют о целесообразности, гармоничности, разумности улья, кочки муравейной, какими они нам представляются; а потому, что они отдаются вложенному в них (мы говорим) инстинкту, подчиняются, не мудрствуя лукаво, а мудрствуя прямо, – своему закону жизни. Я представляю себе, что если бы пчёлы могли сверх своего инстинкта (как мы называем), сверх сознания своего закона ещё придумывать наилучшее устройство своей общественной жизни, они бы придумали бы такую жизнь, что погибли бы. В этом одном сознании закона есть нечто и меньшее, и большее рассуждения. И только оно дано приводить на тот узкий единственный путь истины, по которому следует идти человеку и человечеству. [24]

Мир так устроен, что если десять человек работают каждый не для себя одного, а сообща, то эти десять человек сделают во много раз больше, чем сто человек, которые будут порознь работать каждый для себя. [25]

Совершенно ясно, что выгоднее всё делать сообща, но рассуждения для этого недостаточно. Если бы рассуждение было достаточно, то это давно бы уже было. То, что это видно по капиталистам, не может убедить людей жить сообща. Кроме рассуждения о том, что это выгодно, надобно, чтобы сердце было готово так жить (мировоззрение было такое, которое совпадало бы с указанием разума), а этого нет и не будет, пока не переменятся желания сердца, т. е. мировоззрение людей. [26]

...Самое невыгодное (экономически, да и всячески) расположение людей такое, когда человек работает для себя одного, защищает, обеспечивает себя одного. Я думаю, что если бы так было, если бы не было групп, хоть семьи, где люди работают для других, то люди не могли бы жить. Самое выгодное устройство (экономическое, да и всякое) людей такое, при котором каждый думал бы о благе всех и беззаветно отдавал бы себя служению этому благу. При таком настроении всех каждый получит наибольшую долю блага. (...)...Всякий ребёнок знает, что самое выгодное для всех было бы то, чтоб каждый заботился об общем деле и потому был бы обеспечен как член общего... (...) Наивыгоднейшее устройство всех получится не тогда, когда целью каждого будет стоять выгода, земное благо, оно получится только тогда, когда целью каждого будет стоять благо, независимое от земного, когда каждый от сердца скажет: блаженны нищие, блаженны плачущие, гонимые. Только тогда, когда

каждый не будет искать блага земного, когда будет искать духовного, всегда совпадающего с жертвой, проверяемого жертвой, только тогда получится наибольшее благо всех. [27]

Как всё легко развязывается, когда у людей не бесчисленные цели жизни, в достижении которых они все мешают друг другу, а только одна, в стремлении к которой все помогают друг другу. [28]

Закон жизни прекрасно изображается пальцами в перчатке: отдели их, вообразая увеличить тепло каждого пальца – и всем холодно, и чем лучше отделены, тем холоднее; откинул перегородки, соединил – всем хорошо. [29]

Как только я начал понимать ход вещей в этом мире, я увидел, что одно только начало взаимного сочувствия обуславливает собой прогресс человечества. Вся история есть не что иное, как всё большее и большее уяснение и приложение этого единственного принципа солидарности всех существ. (...)

(...) Наибольшее доступное человеку счастье, самое свободное, самое счастливое его состояние есть состояние самоотречения и любви. [30]

– 3 –

...Служить не себе, а тому всему, чего я есмь бесконечно малое и бесконечно великое проявление. [31]

...Сходясь с людьми, не переставая помнить о том, что нужно другому, а не мне: помнить, что интерес жизни должен быть не «я», а «ты», или *ОН*. [32]

...Глядя на портреты друзей 1856 года, – все умершие, – ясно понял, что это Он, проявлявшийся в них. То же понял и глядя на играющих в винт; то же и *S(...)*, и *B(...)*. Если бы всегда не только помнить, но чувствовать это. [33]

Обратись к людям своей духовной, божеской стороной: разума и любви, разумной любви, любовного разума – и ты привлечёшь их к себе и сам привлечёшься к ним. Обратись к ним с телесной, личной стороны – и неизбежно отдаление, борьба, страдание. [34]

...Благо отдельного человека только тогда истинное благо, когда оно благо общее. (...)

...Жизнь только в отречении от личности. [35]

Полное благо можем мы получить только как участники жизни не только всего человечества, но всего существующего. И эту возможность участия в жизни *Всего* мы имеем, когда сознаём себя тем духовным началом, которое даёт нам жизнь. [36]

Всё трудно, запутано, когда каждый человек ищет своего. И всё вдруг становится просто и легко, когда все ищут одного и того же: служения не себе, а тому духу, который живёт во всех. [37]

Во мне живёт то, что хочет блага. Я только по недоразумению думаю, что я хочу блага себе. Желание блага, живущее во мне, не может желать блага себе одному. Желание блага есть голос Бога, желающего блага всему. [38]

Бог хотел, чтобы мы были счастливы, и для того вложил в нас потребность счастья, но Он хотел, чтобы мы все вместе были счастливы, а не отдельные люди. Оттого и несчастливы люди, что стремятся не к общему, а к отдельному счастью. [39]

...Загляни в свою святую святых, в своё сердце и спроси себя, что тебе, настоящему тебе нужно для того, чтобы прожить наилучшим образом те часы или десятилетия, которые ещё могут предстоять тебе. И кто бы ты ни был, если ты только искренно и серьёзно спросишь себя об этом, ты не можешь не ответить себе то же, что отвечали и отвечают себе все люди, серьёзно и искренно ставившие и ставящие себе вопрос этот: нужно тебе одно, наверное одно, то самое, что всегда было и теперь нужно для всех: благо, истинное благо, не такое благо, которое нынче может быть благом, а завтра может стать злом, и не такое, какое было бы благом для одного тебя, а злом для других, а одно истинное несомненное благо, такое благо, которое благо и для тебя, и для всех людей и сегодня, и завтра, и во всяком месте. [40]

Если я желаю блага только себе, то могу желать зла другим людям; если желаю блага только своей семье, то могу желать зла другим семьям; если желаю блага только своему народу, то могу желать зла другим народам. Только когда я желаю блага всем людям, я никому не буду желать зла. [41]

Любить в себе можно только того, кто один во всех. [42]

Если бы люди понимали, что они живут не одной своей жизнью, а жизнью всех, то они знали бы, что, делая добро другим, они делают его себе. [43]

Нравственное учение, состоящее в уяснении сознания блага только общего, а не личного, всегда существовало и не перестало существовать; оно освятило и уяснило моё сознание вместе с другими людьми, и я по мере сил своих стараюсь содействовать его уяснению, зная, что только это уяснение даст благо мне и другим людям, и что в этом уяснении и словом, и делом, и жизнью задача жизни человека и людей. [44]

Жить, действовать только для удовлетворения сейчас своего желания, без соображения о других существах и будущем времени – безнравственно. Чем полнее поступок обусловлен отношениями с большим количеством существ и поставлен в зависимость от более отдалённого времени, тем он нравственнее. Совершенно нравственен поступок только тогда, когда он обусловлен отношением ко всему. Таким поступком может быть только тот, который совершён во имя Бога. [45]

Личная жизнь – борьба, жизнь разумная есть единение. Личная жизнь есть несогласие, противление жизни мира, жизнь разумная вся в согласии с жизнью мира. Жизнь личная уничтожается смертью. Для жизни разумной нет смерти. [46]

...Мы в жизни замёрзшие, закупоренные сосудчики, задача которых в том, чтобы откупориться и разлиться, установить сообщение с прошедшим и будущим, сделаться каналом и участником жизни общей. [47]

...Мы не врозь, если мы всегда вместе идём в настоящей жизни, для которой нет пространства и времени. Мало того, и после смерти будем точно так же, нет, не так же, а гораздо больше вместе. [48]

...Если мы живём для бога, а не для себя, то мы неразлучны. [49]

– 4 –

Единение есть ключ, освобождающий людей от зла. [50]

Единственное спасение человечества – в идее братства. [51]

Если бы частицы потока воды стремились каждая по своему направлению, поток бы не имел силы и ничего бы не мог произвести. [52]

Жизнь человека, представляющего себя совершенно отделённым, то есть, живущим для одного себя, совершенно бессмысленна. Такой человек вполне сумасшедший. [53]

Единение – сила, все знают это. Так зачем же быть слабым, когда ты можешь быть сильным? Положи все те силы, какие ты клал на то, чтобы быть сильнее, почётнее, лучше других, на то, чтобы откинуть всё то, что мешает единению, и быть единым в духе со всеми, и ты будешь сильнее самых сильных. [54]

Даёт силу и свободу человеку только единение со всем миром. [55]

Мы все влечёмся ко всему и друг к другу, как частицы одного тела. Только наша *необтёсанность*, шершавость, углы мешают нашему соединению. Влечение уж есть, его делать нечего, надо только обтёсывать себя, стирать свои углы. [56]

Задача жизни в том, чтобы тратить свою плотскую жизнь на проявление и вызывание любви, устанавливающей единение: разменивать своё мясо на единение между существами мира. [57]

«Огонь пришёл я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» Я думаю, что время это пришло, и что мир уже горит, и дело наше только в том, чтобы гореть и, по возможности, соединяться с другими горящими точками, и это я намерен делать весь остаток моей жизни. [58]

Много разных голосов зовут нас в сторону от той главной работы нашей жизни – единения со всем живущим; только один тихий голос совести говорит нам, чтобы мы не оставляли этой работы. [59]

Всё, что вносит единение между людьми, есть благо и красота; всё, что их разъединяет, – зло и уродство. Все люди знают эту истину. Она запечатлена в нашем сердце. [60]

...Дороже всего единение, искание единения и пренебрежение всем тем, что может разделять нас. [61]

Отгоняй от себя всё то, что мешает тебе чувствовать твою связь со всем живым. [62]

Единение может быть только тогда, когда мы всё, что разъединяет, что может подать повод к искушению, всё отбросим, как, защищая крепость, сжигают предместья, оставим только то, что вечно, всеобщее всем... [63]

Никогда не испытывал в сотой доле того сострадания, сострадания до боли, до слёз, которое испытываю теперь, когда хоть в малой степени стараюсь жить только для души, для Бога. [64]

Если бы основа жизни всех нас не была бы одна и та же, ничем нельзя бы было объяснить испытываемое нами чувство сострадания. [65]

Чем больше сознаёшь своё единство с Богом, со Всем, тем больше сознаёшь своё единство с каждым отдельным проявлением Его. [66]

...Когда мы страдаем за страдания других, мы большей частью невольно обманываем себя, думая, что страдаем за страдающих, а страдаем за заставляющих страдать. Мы страдаем за нарушение закона единения, к которому стремится всё, и страдания указывают нам на это нарушение и вызывают в нас борьбу с ним: усиление единения любви. [67]

Как в организме боль указывает на нарушение закона, – предупреждает, так и в обществе людском страдание от враждебности указывает на нарушение закона единения, предупреждает. [68]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.